

СОЦИАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
XXI ВЕКА

Под редакцией
академика РАН В.И. Жукова

ИСТОРИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

УЧЕБНИК

Социальное образование XXI века

Коллектив авторов

**История социальной
работы. Учебник**

"Квант Медиа"

2015

УДК 364:93/94(07)

ББК 60.93я7

Коллектив авторов

История социальной работы. Учебник / Коллектив авторов —
"Квант Медиа", 2015 — (Социальное образование XXI века)

ISBN 978-5-7139-0844-7

В учебнике излагается история становления, развития и модернизации различных видов помощи населению. Формируется системное представление об особенностях социальной работы в России и в мире. Исследован генезис государственных и негосударственных форм защиты различных категорий нуждающихся, выявлены и обоснованы исторические тенденции и формационные особенности развития социальной работы. Учебник соответствует требованиям Федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования третьего поколения по направлению подготовки «Социальная работа». Предназначен для студентов, аспирантов и преподавателей.

УДК 364:93/94(07)

ББК 60.93я7

ISBN 978-5-7139-0844-7

© Коллектив авторов, 2015

© "Квант Медиа", 2015

Содержание

Предисловие	6
Модуль I. Становление социальной работы в России в IX–XIX вв	9
Тема 1.1. Теоретико-методологические подходы к историческому исследованию	9
Предмет, объект, цели и задачи курса «История социальной работы»	9
Предметно-понятийные интерпретации основных дефиниций в контексте генезиса социальной работы	11
Проблемы методологии исторического исследования	12
Историография	16
Проблемы периодизации социальной работы	19
Периодизация истории социальной работы в России	20
Периодизация мировой истории социальной работы	20
Тема 1.2. Древнейшие формы помощи и взаимопомощи у славянских племен	22
Культовые формы помощи с различными сакральными атрибутами	22
Общинно-родовые формы помощи	26
Хозяйственные формы помощи	28
Развитие нормативно-правовой поддержки социальной помощи и взаимопомощи в архаический период	29
Тема 1.3. Особенности конфессиональной системы помощи в России	32
Крещение Руси и его последствия	32
Становление конфессиональных институтов помощи	33
Зарождение государственных подходов к организации системы помощи	35
Развитие нормативно-правовой поддержки, социальной помощи и взаимопомощи в конфессиональной парадигме	39
Тема 1.4. Государственные подходы к организации общественного призрения	42
Мероприятия по призрению людей, не имеющих средств к жизни	42
Поддержка военных инвалидов	43
Меры против нищих-промышленников	43
Поддержка «зазорных» младенцев	44
Меры по увеличению средств на призрение	45
Общественное призрение в период правления императрицы Екатерины II	46
Благотворительная деятельность императрицы Марии Федоровны (1759–1828)	49
Крупнейшие благотворительные общества дома Романовых (в оценке их современников)	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

История социальной работы. Учебник

Рекомендовано УМО вузов России по образованию в области социальной работы в качестве базового учебника для студентов высших учебных заведений

Учебник по курсу «История социальной работы» разработан и издан в рамках научной школы академика Российской академии наук, ректора-основателя Российского государственного социального университета **В. И. Жукова «РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНЫХ КООРДИНАТ: ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КОМПАРАТИВИСТИКА»**

Редакционный совет:

Т. А. Голикова, Ю. В. Герций, О. Ю. Голодец, В. Я. Дорошенко, С. В. Иванец, А. К. Исаев, И. И. Калина, М. Р. Камболов, В. И. Лагункина, А. Ю. Левицкая, С. Ю. Орлова, В. А. Петросян, О. В. Самарина

Авторский коллектив:

академик РАН В. И. Жуков; д-р ист. н., проф. Т. Б. Кононова; к. ист. н., доц. О. А. Ани-кеева; к. ист. н., доц. Л. В. Бадя; к. ист. н., доц. Н. И. Горлова; д-р ист. н., проф. Т. Е. Демидова; к. ист. н., доц. Т. В. Зальцман; к. ист. н., доц. М. В. Раттур; к. ист. н., доц. О. В. Семин; д-р ист. н. проф. А. С. Сорвина; д-р ист. н., проф. Л. И. Старовойтова; д-р ист. н., проф. В. А. Фокин; к. пед. н., доц. И. В. Фокин; д-р ист. н., проф. П. Я. Циткилов; д-р ист. н., проф. Е. И. Холостова

Ответственный редактор **Т. Б. Кононова**

Рецензенты:

А. В. Дмитриев – член-корреспондент РАН

Т. А. Дубровская – доктор исторических наук, профессор

З. М. Саралиева – доктор исторических наук, профессор

© Коллектив авторов, 2011, 2015

© Издательство РГСУ, 2011, 2015

Предисловие

Учебник по курсу «История социальной работы» – первый в цикле базовых учебников по социальной работе – представляет собой новое поколение учебной литературы, обеспечивающей многоуровневую подготовку кадров по направлению «Социальная работа» на основе Федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования третьего поколения (ФГОС ВПО).

Первые учебные планы, программы и учебные пособия по специальности «Социальная работа» создавались в 1989–1991 гг. группой ученых, среди которых наибольшим авторитетом в научно-педагогической среде выделялись С. А. Беличева, И. А. Зимняя, И. Г. Зайнышев, Е. И. Холостова.

С созданием Российского государственного социального института Министерства социальной защиты населения Российской Федерации (25 ноября 1991 г.) начался этап комплексного подхода к научно-методическому и кадровому обеспечению подготовки специалистов с высшим образованием для учреждений социальной сферы и органов управления ею. В РГСИ сложился коллектив ученых и педагогов, отличавшихся новаторским подходом к комплексной разработке учебников, курсов лекций, хрестоматий, хронографов и другой литературы. При этом детально изучались достижения историографии, отдавалось должное тем, кто внес в становление отечественной системы социальной защиты населения особый вклад. Среди них – молодой царь Петр I, положивший начало государственной политике в социальной работе; императрица Мария Федоровна, создавшая сеть благотворительных учреждений; А. М. Колонтай – народный комиссар общественного призрения.

Отражением этой роли стало размещение на обложке учебника их изображений, а также таких центров концентрации опыта социального взаимодействия, как Русская Православная Церковь (храм Христа Спасителя), учебно-воспитательные заведения (Смольный институт), университеты (главный научно-административный корпус РГСУ).

Целью дисциплины «История социальной работы» является получение студентами необходимых знаний в области становления различных форм вспомоществования в России и за рубежом, формирование у них системных представлений об эволюционном пути развития основных исторических форм, о моделях, институтах помощи и поддержки в мировой цивилизации, а также обучение навыкам культурного диалога, толерантности; развитие самостоятельности мышления с учетом получения нового знания в области социального и культурного взаимодействия.

Цель предопределила постановку и решение основных *учебных задач* дисциплины:

- сформировать представление о месте истории социальной работы в системе гуманитарного знания;
- изучить становление, развитие и содержание таких понятий, как «призрение», «общественное призрение», «меценатство», «благотворительность», «социальное обеспечение», «социальное страхование», «социальная защита», «социальная работа», «спонсорство», «некоммерческий сектор», «фонд», «грант»;
- исследовать исторические аспекты становления социальной работы;
- на основе историко-социологической компаративистики, т. е. сравнительного анализа, дать студентам представление о своеобразии развития отечественной и зарубежной частной, общественной и государственной практик социальной помощи;
- сформировать целостное критическое и ценностное отношение к исторической практике поддержки и защиты наиболее уязвимых слоев населения, выработанной в мировом цивилизованном пространстве;

- научить студентов на основе исторического анализа оценивать современные тенденции развития практики социальной работы, ее институциональные формы и модели;
- сформировать у студентов систему навыков и представлений о становлении технологий в системе социальной работы; выработать навыки применения необходимого и достаточного категориального аппарата в социальной сфере, развить навыки применения различных подходов, приобретенных при изучении других учебных дисциплин;
- сформировать у студентов систему представлений об основных этапах, формах и видах социальной помощи; выработать системное понимание развития социальной помощи в культурно-историческом аспекте, освоить методы обоснования своей позиции и ведения диалога по проблемам, касающимся ценностного отношения к мировой и отечественной истории и культуре;
- сформировать компетенции, способствующие культурному и социальному взаимодействию на основе принципов толерантности.

История социальной работы – одна из базовых учебных дисциплин профессионального федерального блока государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования. Преподавание истории социальной работы опирается на знание студентами обществознания, мировой и отечественной истории и искусства, культурологии, религиоведения. «История социальной работы» использует философский и собственный категориальный аппарат.

В курсе «История социальной работы» формируется ряд значимых компетенций, которые оказывают существенное влияние на качество подготовки выпускников.

В процессе освоения данной дисциплины студент формирует и демонстрирует следующие *профессиональные компетенции*:

- владеет культурой мышления, способен к обобщению, анализу, восприятию информации, постановке цели и выбору путей ее достижения (ОК-1);
- умеет логически верно, аргументированно и ясно строить устную и письменную речь (ОК-2);
- готов к сотрудничеству с коллегами, работе в коллективе (ОК-3);
- способен находить организационно-управленческие решения в нестандартных ситуациях и готов нести за них ответственность (ОК-4);
- осознает социальную ответственность своей будущей профессии, обладает высокой мотивацией к выполнению профессиональной деятельности (ОК-8);
- использует основные положения и методы социальных, гуманитарных и экономических наук при решении социальных и профессиональных задач (ОК-9);
- использует основные законы естественно-научных дисциплин в профессиональной деятельности, применяет методы математического анализа и моделирования, теоретического и экспериментального исследования (ОК-10);
- владеет основными методами, способами и средствами получения, хранения, переработки информации, имеет навыки работы с компьютером как средством управления информацией (ОК-12);
- способен к инновационной деятельности в социальной сфере, оптимизации ее сочетания с традиционной культурой личной и общественной жизни (ПК-6);
- способен к компетентному использованию законодательных и других нормативных актов федерального и регионального уровней (ПК-11);
- готов соблюдать профессионально-этические требования в процессе осуществления профессиональной деятельности (ПК-12);
- готов представлять результаты исследования в формах отчетов, рефератов, публикаций и публичных обсуждений (ПК-19);

– способен учитывать специфику национально-культурного пространства и характера жизнедеятельности различных национальных, половозрастных и социально-классовых групп как объектов социально-проектной деятельности учреждений социальной сферы (ПК-31).

В результате освоения дисциплины обучающийся должен демонстрировать следующие *результаты образования*:

1. *Знать* основные исторические парадигмы, модели и теоретические направления социальной работы, исторические факты, даты, события, этапы развития практики социальной работы в истории человечества в их хронологии (ОК 1–4).

2. *Уметь* использовать полученные знания в научной и практической деятельности (ОК 8-12).

3. *Владеть* навыками исследовательской деятельности, быть готовым к практической работе (ПК 6, 11, 12, 19, 31).

4. *Быть компетентным* в области использования законодательных и других нормативных актов федерального и регионального уровней (ПК-11); в профессионально-этических вопросах в процессе осуществления профессиональной деятельности (ПК-12); проблемах национально-культурного пространства и характера жизнедеятельности различных национальных, половозрастных и социально-классовых групп как объектов социально-проектной деятельности учреждений социальной сферы (ПК-31).

Учебник «История социальной работы» стал результатом новаторской исследовательской и научно-педагогической деятельности наиболее авторитетных в отечественной системе социального образования ученых и преподавателей. Он прошел серьезную апробацию и создает основу для повышения эффективности деятельности в сфере подготовки кадров, их переподготовки и повышения квалификации, роста авторитета и конкурентоспособности российской национальной школы социальной работы.

Академик РАН

В. И. Жуков

Модуль I. Становление социальной работы в России в IX–XIX вв

Тема 1.1. Теоретико-методологические подходы к историческому исследованию

Аннотация. Первая тема первого модуля посвящена изучению предмета, объекта, целей и задач курса «История социальной работы»; предметно-понятийных интерпретаций категории «социальная работа» в контексте ее генезиса и теоретико-методологическим проблемам исторического знания.

Цель. Познакомить студента с методологией исследования в области социальной работы, определить место курса в числе других исторических дисциплин, выявить предмет, объект и задачи курса, проблемы периодизации социальной работы, уточнить основные дефиниции (краткие логические определения).

Предмет, объект, цели и задачи курса «История социальной работы»

Прежде всего, попытаемся дать самое общее определение современной социальной работы. Сделать это достаточно сложно, поскольку в России социальная работа включает в себя три ипостаси, составляющие ее содержание: социальная работа как научная теория, как вид профессиональной деятельности и как учебная дисциплина. В настоящем случае мы остановимся на ее профессионально-видовой составляющей. В данном контексте *социальная работа – это вид деятельности людей, общественных объединений и организаций по оказанию помощи различным слоям населения.*

Однако изначально, в конце 90-х г. XX в., социальная работа трактовалась более узко, только как помощь лицам, попавшим в трудную жизненную ситуацию. Сегодня понимание социальной работы расширилось. В ее задачи входит не только локализация социальных проблем различных категорий нуждающихся, но и превенция сложных жизненных ситуаций и поиск внутренних резервов, открытие возможных потенциалов объектов помощи для самореализации. Поэтому следует отметить, что *социальная работа – это вид деятельности, в задачи которой входит раскрытие творческого потенциала личности для решения проблем собственными силами.*

Спорными, как правило, являются вопросы, связанные с выделением объекта и предмета курса «История социальной работы», что зависит от выбора методологических концепций и подходов к исследованию в данной области знания. В нашем конкретном случае, исходя из выбранного инструментария и интереса к становлению различных технологий помощи, мы будем выделять в качестве объекта исследования социальную работу как особую разновидность социальной деятельности. Тогда представляется возможным в качестве *объекта курса* определить социальную работу как специфическую форму социальной деятельности, а в качестве *предмета исследования* – проблемы становления различных институтов и форм помощи в результате поступательного развития общества.

Основная цель курса: изучить исторические способы поддержки нуждающихся с целью их творческого применения в современной действительности.

Логика построения учебного курса «История социальной работы» вызвана тремя уровнями задач.

Первый уровень задач: дать представление изучающим данный предмет о своеобразии развития зарубежной и отечественной социальной помощи.

Второй уровень задач: сформировать целостное и ценностное отношение к отечественному историческому прошлому и наследию в области поддержания различных слоев населения и взять на вооружение наиболее продуктивные из исторических способов помощи.

Третий уровень задач: раскрыть актуальную проблематику исторических моделей социальной помощи, сложившихся в России и за рубежом за несколько предыдущих столетий, и выявить пути использования их в современном мире.

Изучая историю социальной работы, мы будем часто обращаться к различным парадигмам помощи.

Впервые понятие «*парадигма*», что в переводе с греческого означает пример, образец, ввел в научный оборот американский ученый Томас Кун (род. в 1922 г.). В книге «Структура научных революций» Томас Кун разработал концепцию научных парадигм, нормальной науки и научных революций. Согласно его концепции, *парадигма – это фундаментальная теория или концепция, которой ученые руководствуются в своей деятельности, применяя ее к конкретным явлениям и случаям.*

В современных словарях по философии парадигма – это совокупность теоретических и методологических предпосылок, определяющих конкретное научное исследование, которое воплощается в научной практике на данном этапе. Парадигма помогает решать возникающие в исследовательской работе затруднения, фиксировать изменения в структуре знания, происходящие в результате научных революций.

В социальной работе парадигма – это определенная модель помощи, в которой изменяются временные рамки, идеологема помощи, объекты и субъекты помощи, ее формы. Постоянно неизменными остаются составляющие ее основу механизмы реципрокации и редистрибуции. *Реципрокация* – взаимопомощь, взаимный обмен дарами, услугами. *Редистрибуция* – передача части произведенного общинниками избыточного продукта в распоряжение вождей на различные общественные нужды. В соответствии с выделенными элементами можно выделить и *виды исторических парадигм*: архаическую; конфессиональную; государственную; общественно-государственную; социетальную.

Исторические модели социальной работы в данном учебнике выделяются на основе исторических парадигм. В истории социальной работы можно выделить следующие *модели*: архаическую; государственную; конфессиональную; социального благоденствия (выравнивания) на Западе; социального обеспечения в СССР; формирования социального капитала.

Очевидно, что в результате развития общества интерес к его истории все более нарастал, что требовало определенной систематизации знаний. Вследствие этого сегодня принято выделять всеобщую историю, в рамках которой изучаются общие законы истории человечества; история Древней Греции, Древнего Рима, ряда других государств, в том числе и России. В рамках истории России как отечественной истории с конца прошлого столетия стала формироваться самостоятельная отрасль знания – социальная история. В ее недрах с момента возникновения социальной работы в России (1991) стала изучаться узкая специальная отрасль исторического знания – история социальной работы. Эта область познания может быть еще более сужена спецкурсом по истории отечественной благотворительности. Зарубежная научная историческая мысль в области социальной работы, в отличие от России, носила недискретный (непрерывный) характер и занимает стабильное место в историческом контексте, будучи, тем не менее, также ограничена спецификой познания.

Предметно-понятийные интерпретации основных дефиниций в контексте генезиса социальной работы

Каждая наука имеет свою терминологию, свой понятийно-категориальный аппарат. История социальной работы не является исключением. Рассмотрим основные категории нашего курса.

Современное понятие «социальная работа» – продукт американской системы помощи XX в. До появления нового термина в мировом цивилизованном пространстве использовались производные от латинского «*caritas*» (любовь, уважение, милосердие) и древнегреческого «*philanthropos*», что буквально означает люблю (*phileo*) + человека (*anthropos*).

С усилением могущества и влияния Церкви понятие «*caritas*» стало восприниматься как конфессиональная помощь. В XVIII в., когда религиозные догмы перестали довлеть над миром, философы пытались построить новую мораль на основе разума и рационализма. Вследствие этого возникло новое понятие – «*благотворительность*» (от фр. «*bienfaisance*», что буквально означает хорошее дело (поступок).

Термин «*bienfaisance*», буквально переведенный с французского языка историком Н. М. Карамзиным в XVIII в. как благотворительность, был введен в научный оборот аббатом Бернаденом де Сен-Пьером в эпоху развития идей рационализма с целью развести конфессиональное понятие «*charite*» (латинское «*caritas*»), имевшее в Средние века чисто христианский смысл, и новое понимание филантропической деятельности, выходящее за пределы церковного представления о помощи.

На Западе, таким образом, стали выделять общественные, государственные и частные виды помощи, каждая из которых имела свое название исходя из лексических особенностей языка того или иного государства.

В России наблюдаем аналогичные тенденции. До появления термина «благотворительность» в империи пользовались древним русским словом «призрение», в семантику которого органично входили все древнерусские глаголы, отражающие деятельную любовь к ближнему: пригрети – напоить – увещевать – болезновать – погребать – прощать и т. д. Таким образом, призрение можно определить как понятие, органично сочетающее в себе совокупность деятельностных древнерусских глаголов, отражающих различные виды помощи, любви, сострадания и милосердия.

Новый термин «благотворительность» прочно вошел в активную лексику, легко экстраполировался в более ранние периоды истории развития отечественных форм помощи. Однако он не вытеснил термин «призрение». Эти два понятия, как и обозначающиеся ими виды помощи, развивались параллельно. Кроме того, в период развития капитализма в России появился еще термин: «общественное призрение». *Общественное призрение* – это постоянно действующая, оформленная законодательно система государственных, частных и общественных благотворительных инициатив.

Необходимо различать понятия «меценатство», «благотворительность», «призрение» и «общественное призрение». В основе их лежит родовое понятие «помощь», но каждый из терминов имеет свои узкие нюансы. Так, *меценатство* – это благотворительная помощь в области культуры, искусства, реже – науки. (Маэсена – имя соратника и советника римского императора Августа Мецената Гая Цильниса, прославившегося пирами и угощениями для людей искусства. Имя Мецената как покровителя искусств стало нарицательным).

Благотворительность означает частную, то есть несистематическую, субъективную, негосударственную помощь; *призрение* подразумевает прежде всего помощь конфессиональную; *общественное призрение* (понятие, характерное для XIX в.) – это постоянно действующая,

оформленная законодательно система государственных, частных и общественных благотворительных инициатив. Принято различать открытую и закрытую системы призрения.

Открытая система призрения – нерегламентированная, несистематическая, хаотичная помощь нуждающимся, в основе которой лежат какие-то личные мотивы помогающего субъекта. Открытая система призрения сродни примитивной милостыне.

Помогающий субъект – тот, кто оказывает помощь (государство, общественная организация, частное лицо, зарубежная благотворительная структура и т. д.).

Закрытая система призрения (помощи) – это совокупность специализированных государственных, частных и общественных заведений, оказывающих помощь постоянно (приюты, богадельни, больницы, инвалидные и работные дома). Их деятельность, как правило, регламентирована законом и уставами. *Общественное призрение в условиях Российской империи тождественно государственному.*

В советский период понятия «призрение» и «общественное призрение» были осуждены как термины, унижающие человеческое достоинство, и изъяты из активной лексики и толковых словарей современного русского языка. Однако понятие «благотворительность» не только осталось, но после событий 1991 г. вновь стало неотъемлемой частью социальной политики.

В трудах ученых, в первую очередь Российского государственного социального университета, понятие уточняется с позиций современных реалий исторических и социальных наук. В законах о благотворительной деятельности и в словарях по социальной работе также дается свое толкование этой дефиниции.

В целом в России в системе социальной политики сегодня широко используются такие понятия, как «социальная работа», «благотворительность», «социальное обеспечение», «социальная защита», «социальная поддержка», «социальная помощь» (см. Глоссарий). Постепенно в процессе эволюции социальной помощи развилось понятие «социальные технологии», с помощью которого классифицируются все существующие ныне формы и виды помощи, в том числе в рамках современной социальной работы.

Технология (от греч. *Technē* – искусство, мастерство, умение + *logos* – учение) – система знаний о способах и средствах обработки и качественного преобразования объекта.

Профессор Е. И. Холостова считает, что социальные технологии могут быть рассмотрены как «совокупность операций, процедур социального воздействия на пути получения оптимального социального результата. Социальная технология – важнейший элемент механизма управления. Технологии социального обслуживания, будучи элементом системы социального действия, также имеют не только функционально-исполнительскую, но и управленческую природу».

Социальные технологии весьма разнообразны, что обусловлено многообразием социального мира, социальной жизни, ее отношениями с природными явлениями.

Исходя из понимания социальной работы как особого вида профессиональной деятельности, сущность социальных технологий можно интерпретировать, в первую очередь, как совокупность предметов, методов и воздействий государственных, общественных и частных организаций, специалистов и активистов, направленных на оказание помощи, поддержки, защиты всех людей, слоев и групп населения.

Проблемы методологии исторического исследования

Современное состояние исторической науки позволило расширить научно-исследовательский арсенал за счет изучения междисциплинарных подходов: системного, структурно-функционального, формационного, цивилизационного, социокультурного и других. Важным представляется использование системного подхода к историческому исследованию. С точки зрения системного подхода рассматривалась вся история становления отечественной

и зарубежной помощи нуждающимся на протяжении всего периода ее развития, понимаемая как элемент системы более высокого государственно-управленческого порядка. В контексте данного подхода социальная система исследуется как сложноорганизованная, развивающаяся и потому открытая. На нее оказывают влияние множество факторов: природный, демографический, экономический, политический, религиозный, национальный и др. Исходным в данном случае будет понимание того, что формирование и развитие социальных систем происходит в процессе адаптации к природной или общественной окружающей среде.

Однако поскольку в обществе действуют сознательные существа, способные к целенаправленной деятельности, постольку с возникновением человека его ближайшая окружающая среда организуется в зависимости от целей, поставленных им самим. Таким образом, человек адаптируется не только к существующей, но и к созданной им природной и социальной среде.

Традиция рассмотрения общества в широком смысле слова как определенной целостности идет еще из древности, однако представления о ее основаниях менялись в течение времени вследствие изменяющихся знаний о государстве, его законах, обычаях и нормах поведения его граждан, нравственный аспект которых был преимущественно объектом этики.

В рамках исторического исследования должно рассматривать человеческое общество как совокупность множества различных частей и элементов, которые не изолированы, а тесно связаны и постоянно взаимодействуют между собой, в силу чего и общество выступает как единая сложноорганизованная система.

Новая система возникает на базе большого числа комбинаций. В иерархической системе их количество значительно возрастает. Это играет значительную роль в процессе образования сложных систем и их эволюции, характеризующихся, прежде всего, изменениями и динамикой социальных структур.

Понятие «социальная структура» используется в широком и в узком смысле. В широком смысле говорят о структуре социума как совокупности устойчивых связей между функциональными основными сферами общественной жизни: экономикой, политикой, культурой и др. Все они упорядочены под воздействием совокупности институтов и форм социальной организации и деятельности. В узком смысле термин «социальная структура» употребляется для обозначения деления общества на различные социальные группы. Особое место в анализе общества как единой, целостной системы отводится такому понятию, как социальный институт. Социальные институты возникают как формы интеракции людей ради удовлетворения той или иной социальной потребности.

Одна из функций институтов – это стабилизация деятельности людей, обеспечение более или менее предсказуемого образа их поведения. Возникновение и становление институтов носит также динамический характер, от которого в значительной степени зависит прогресс общества.

Согласно *структурно-функциональному подходу* к изучению социальных систем, одним из выразителей которого является Толкотт Парсонс (1902–1979), прогресс в обществе сопровождался разделением функций прежних институтов и возникновением новых со своими специфическими функциями, что в конечном итоге способствует более эффективному функционированию общества в целом. Существующие в современном обществе институты семьи, экономики, политики, права, морали, религии, здравоохранения, образования и так далее сформировались не сразу, а в течение длительного времени в результате тесного взаимодействия в ходе исторического развития. В итоге социальная система приобрела более сложную структуру, где основные институты начали функционировать самостоятельно, но согласованно в интересах развития всего общества. Этот процесс активно продолжается.

С позиций *формационного подхода* (Карл Маркс, 1818–1883, Фридрих Энгельс, 1820–1895), который называется также *марксистским*, процесс развития общества рассматривается, прежде всего, с точки зрения изменения способов производства материальных благ. Ключе-

выми концепциями марксизма являются такие понятия, как диалектика общественно-исторического процесса, классовая борьба и революция. Эти обстоятельства также серьезнейшим образом повлияли на развитие различных форм помощи в дореволюционной императорской России, поскольку этот процесс шел вслед за рождающимися новыми потребностями общества и его членов. Источником социокультурной динамики является самовозрастание человеческих потребностей, а механизм их изменения виден в противоречиях, возникающих между производительными силами и производственными отношениями.

Однако с высоты современных научных реалий становится очевидным, что марксизм представляет собой детерминистскую теорию (детерминизм – учение о всеобщей, закономерной связи, причинной обусловленности всех явлений), в которой практически не остается места для проявления личности индивидов. Ошибочно придавать экономике столь большое значение и не учитывать влияния других структур. Особый акцент на конфликт умаляет значение социального порядка, который присущ большинству обществ. Классовый подход к анализу общественных явлений положил в качестве интересов социального субъекта не идеальные мотивы, а материальные интересы исторического класса как носителя этих интересов, что сегодня не является непрекращаемой истиной.

Существенным подспорьем в понимании генезиса отечественной социальной работы является осмысление и использование *эволюционного подхода*.

Теория всеобщей эволюции была впервые сформулирована Гербертом Спенсером (1820–1903) в 1856 г., за несколько лет до Чарльза Роберта Дарвина (1809–1882), и базируется на естественно-научных идеях своего времени.

Герберт Спенсер утверждал, что «происходящие повсюду явления представляют собой части общего прогресса эволюции». Все явления: физические, биологические, общественные и психические – имеют одни и те же законы развития и движущие силы. Все на свете сводится к движению, перераспределению частичек материи, повсюду наблюдается переход от неопределенного – простого к определенному – сложному состоянию в распределении вещества. И движение сопряжено с уплотнением вещества и потерей движения. Эти механистические идеи Герберт Спенсер соединил с натурализмом, согласно которому все явления, происходящие в мире, являются частями единой природы и, следовательно, подчиняются ее законам. Общественные, культурные, психические явления не составляют никакого исключения и могут быть объяснены на основе законов интеграции и дезинтеграции, рассеяния и поглощения. На основании этого он сделал вывод, что существует только одна эволюция, совершаемая одинаковым образом повсюду.

Важными для понимания дореволюционной теории общественной помощи в различных ее проявлениях являются труды об эволюции, написанные Чарльзом Дарвиным, составившие основу теории эволюции органического мира. Основные его идеи были изложены в работе «Происхождение видов путем естественного отбора». Ученый пришел к выводу, что посредством естественного отбора выживают и оставляют потомство наиболее приспособленные к существующим условиям особи данного вида. Дарвин полагал, что в простых жизненных условиях высокий уровень организации вследствие большой уязвимости сложноорганизованных существ вреден. Поэтому на земле всегда одновременно существуют и сложные, высокоорганизованные виды и формы, и виды, сохраняющие простое строение.

Указанные идеи были привнесены в социальную жизнь и трансформировались в популярное в XIX в. учение – *мальтузианство*. Хотя родоначальник теории английский экономист Томас Мальтус (1766–1834) говорил только как об историческом факте, что положение трудящихся определяется «естественным законом народонаселения», его последователи в конце XIX столетия с учетом популярных взглядов Чарльза Дарвина стали говорить о том, что «слабым» членам сообщества, неспособным к самообеспечению, незачем помогать. Надо им дать возможность поскорее свести счеты с жизнью и направлять благотворительные средства только

на поддержку «перспективных» членов общества. Эти мысли актуальны и пропагандируются в среде некоторых современных политических деятелей.

Крушение социалистической системы общества значительно поколебало незыблемость деления общественного развития человечества по формационному признаку. Именно вследствие этого, на наш взгляд, все более популярным в деидеологизированном постсоветском пространстве становятся *цивилизационный подход* к осмыслению действительности (Франсуа Мари Аруэ Вольтер (1694–1778); Арнольд Джозеф Тойнби (1889–1975) и др.

Цивилизационный подход предполагает изучение истории российского общества во взаимодействии с историческими событиями в странах мира или группах стран, составляющих конкретные цивилизации. В методологическую основу подхода положено изучение истории по цивилизациям вместо формаций. Главенствующее в подходе – отражение жизни, быта, культуры человека во взаимосвязи с государственным, экономическим, политическим устройством общества. Новый подход еще длительное время будет переживать время поиска, поскольку вопросы цивилизаций в отечественной исторической науке мало рассматривались.

Реализация цивилизационного подхода позволяет определить историческое место России в мировом человеческом сообществе, понять особенности ее общественной организации и культуры в сравнении с опытом разных народов; дать цельное представление об историческом пути страны во всей его сложности, о причинах трудностей цивилизационного плана в ее развитии при колоссальном человеческом и природном потенциале; высветить альтернативы общественного развития на разных этапах истории, раскрыть коллизии борьбы вокруг исторического выбора и причины победы определенных сил в тот или иной момент истории.

В основу цивилизационного подхода могут быть положены следующие постулаты: полный или частичный отказ от классово-формационного подхода в оценке исторического процесса; в определении сущности, содержательных и хронологических рамок российской цивилизации и ее составных, выделение общего и особенного в сравнении с другими цивилизациями; показ влияния стран Запада и Востока на формирование российского образа жизни, а также влияния российских ценностей на другие цивилизации; использование сравнительных данных Запада и Востока в изучении истории России; выдвижение на первые места в истории России жизни и быта человека, его духовности, культуры производства и отношений. Свое развитие подход получил в трудах выдающегося российского ученого Л. Н. Гумилева (сына Анны Ахматовой и Николая Гумилева). В частности, несомненный интерес в рамках нашего курса представляет его концепция пассионарности.

Синергетический подход (Герман Хакен, написал в 1980 г. труд «Синергетика») позволил осмыслить одновременное существование в исторической реальности многих форм существования, их взаимодействие, взаимовлияние и сделать вывод, что результатом этого взаимодействия является возникновение новых способов социальной поддержки.

Широко используется также в историческом исследовании *герменевтический подход* (Фридрих Эрнст Даниель Шлейермахер (1772–1829); Вильгельм Дильтей (1833–1911); Мартин Хайдеггер (1889–1976).

В последнее время все чаще принимается во внимание и *институциональный подход*. Под *институционализацией* чаще всего понимается процесс, а также результат процесса, в котором социальные действия становятся упорядоченными в своих устойчивых социально-структурных особенностях.

Подводя итоги сказанному, можно утверждать, что в современном историческом исследовании чаще всего учитываются в совокупности различные методологические подходы, а именно: системный, структурно-функциональный, эволюционный, цивилизационный, синергетический, герменевтический, институциональный.

При изучении исторических процессов необходимо внимательно подойти к выбору методов исследования. В данном случае мы будем исходить из понимания, что *метод* есть система

правил и приемов подхода к изучению явлений и закономерностей природы, общества и мышления; путь, способ достижения определенных результатов в познании и практике.

При изучении курса «История социальной работы» в основе методологической концепции уместно использовать *диахронический метод* изучения фактов в их историческом развитии, применяемый в связи с *синхроническим методом*.

Широко используется *метод последовательно-текстуального изучения источников* как один из методов изучения исторической литературы. Суть его состоит в выделении основополагающих идей и положений и анализе фактов, событий, личностей, соотнесении идей и положений источников с событиями, преобразованиями в жизни нашего общества, то есть налицо попытка использования исторического опыта России в наше время.

В целом среди методов научного исследования наиболее активно использовались следующие: *диалектический, синхронный, диахронный, логический, исторический, источниковедческий, структурно-системный, ретроспективный, персонификации, экстраполяции понятий* и другие. Использование указанных научных методов позволило систематизировать источники по их направленности и времени проявления, предложить подходы к периодизации историографической мысли.

Важной методологической составляющей изучения курса истории социальной работы является историография проблемы.

Историография

В отечественной и зарубежной историографии накоплен огромный источниковый материал, отражающий состояние социальной работы в различные исторические эпохи. Среди зарубежных трудов по организации социальной помощи в контексте государственного благосостоянии следует выделить имена таких крупных мыслителей XVIII–XIX вв., как Вильгельм Гумбольдт (1767–1853), Роберт Оуэн (1771–1858), Карл Маркс (1818–1883), Макс Вебер (1864–1920).

Среди работ, в которых непосредственно отражаются проблемы организации социальной помощи и борьбы с различными социальными патологиями, следует отметить труд французского ученого XIX в. д'Оссонвилля «Нужда, порок и благотворительность» (1889), работы немецкого ученого Э. Мюнстерберга (например, «Призрение бедных: руководство к практической деятельности», 1900), труд В. Рошера «Система призрения бедных и мероприятия против бедности» (1895), Ломброзо Ч., Ферреро Д. «Женская проституция. Врожденные и случайные проститутки. Их свойства, нравы и привычки» (1915) и др.

Становление научного этапа развития зарубежной социальной работы связывают с трудами американки Мэри Ричмонд «Дружеский визит к беднякам: руководство для работающих в благотворительных организациях» и «Социальные диагнозы», вышедшие в свет на рубеже XIX–XX вв.

Значительный пласт проблем в историографии современной науки о помощи связан с *источниковедением*. На сегодняшний день отечественное источниковедение социальной помощи делает свои первые шаги. Основная задача – собрать все источники по общественной благотворительности, общественному призрению XIX и XX вв. Необходимо выяснить, что сделано предшествующими поколениями ученых в этой области.

В XIX в. к проблемам источниковедения общественного призрения одним из первых обратился В. Межов. Он предложил тематические разделы и систематизацию материалов по проблемам общественного призрения, важнейшими среди которых были общие отечественные и зарубежные работы, а также работы, относящиеся к истории, практике, законодательству, отдельным видам социальных патологий и т. д. Однако его систематизация была связана с

теми источниками, которые выходили во второй половине XIX столетия, практически в ней не отражены источники более раннего периода.

Важной проблемой является систематизация имеющихся источников на основе их критического осмысления. Наиболее разработанные подходы к истории социальной помощи в России принадлежат отечественным ученым XIX – рубежа XX вв.: А. Стогу, Е. Максиму, М. Соколовскому, В. Бензину и ряду других исследователей. Однако их исторические реконструкции процесса основаны на работах В. Н. Татищева, С. М. Соловьева, Н. М. Карамзина без учета их видения истории России. Отсюда первоисточником для них явились не летописи и исторические списки, а работы указанных историков. По мнению М. Н. Тихомирова, «История Российская» В. Н. Татищева не является источником, которому можно верить без оглядки, это же относится и к работам Н. М. Карамзина.

Сложность, с которой столкнулись ученые на рубеже веков, состояла в том, что, с одной стороны, новое знание, тем более историческое, невозможно создавать без учета авторитета, с другой – необходимо было осмыслить сам процесс в его исторической перспективе, а не только следуя логике современных тенденций и проблем. Отсюда противоречивость в выборе источников. Для исследования древних этапов общественной помощи использовались труды историков, которые не рассматривали вопросы социальной помощи в качестве самостоятельного объекта исторической науки. В то же время применительно к проблемам XIX в. использовались документы, статистические сведения, архивы.

Это относится и к использованию фондов советского периода, когда объективную информацию о состоянии социального обеспечения невозможно было получить из официальных статистических источников. Для этого необходимо анализировать и тщательно сопоставлять различные источники.

Для исследователей истории общественной помощи противоречие сегодняшнего дня состоит в том, что существует потребность представить процесс помощи в его исторической логике и своеобразии, но, в то же время, каждый этап выделенного процесса требует специализации, своего источниковедения, разработанной системы библиографии.

В начале XX в., когда практика общественного призрения была расширена, появилась потребность осмысления и систематизации накопленного опыта и публикаций. В этот период изданы «Систематический каталог», указатели журналов, посвященные систематизации материалов по общественной помощи. На рубеже XIX и XX вв. дело, начатое В. Межовым, продолжают Т. Ефремов, Н. Лучинский, А. Селиванов и другие.

Однако во второй четверти XX в. вопросы источниковедения общественной помощи были практически сведены к проблемам государственного призрения, а предшествующий опыт не только не изучался, но и не рассматривался даже в критическом плане.

Начало социальной работы в России уместно связывать с событиями 1991 г. XX в., когда *23 апреля 1991 г.* в квалификационный перечень специальностей Советского Союза была введена специальность «социальный работник». *25 ноября 1991 г.* в России было создано под руководством ректора-организатора, доктора исторических наук, профессора, а ныне академика РАН Василия Ивановича Жукова первое высшее учебное заведение по подготовке специалистов для социальной сферы – Российский государственный социальный институт (ныне Российский государственный социальный университет).

С этого времени начались системные изыскания в области становления социальной помощи в России и за рубежом.

В настоящее время систематизацией источников и библиографией по вопросам социальной помощи занимаются такие отечественные ученые, как Л. Бадя, Н. Ефимова, К. Кузьмин, В. Степанов.

Суть подхода К. В. Кузьмина в том, что до появления соответствующего названия история социальной работы развивалась и в рамках собственно социальной истории, и в ключе

изучения истории социальных явлений (благотворительности, меценатства, беспризорности, профилактической медицины и т. п.). Предложенный им историографический обзор исследований, посвященных отдельным проблемам истории социальной работы XX в., представляет собой попытку автора дать характеристику научных работ по социальной проблематике, вышедших в последние годы.

Особое внимание отечественных исследователей привлекли вопросы эволюции социальной политики в СССР и истории советской повседневности в 1920–1930-е гг. Так, изучению социальной политики в указанный период времени посвящены коллективные сборники, вышедшие под общей редакцией известных саратовских исследователей Е. Р. Ярской-Смирновой и П. В. Романова «Нужда и порядок: История социальной работы в России, XX век» и «Советская социальная политика 1920–1930-х гг.: идеология и повседневность».

Активно начинает разрабатываться историческое прошлое практики, теории отечественной социальной работы. Одними из первых шагов в осмыслении исторического прошлого социальной помощи были работы, посвященные феномену отечественного меценатства и благотворительности. Эта тема нашла отражение в работах А. Боханова, П. Власова, Н. Думовой, Л. Бади, Т. Кононовой, П. Нещеретного, Е. Холостовой и др.

В предпринятых попытках уже намечены те тенденции, которые были характерны для исследователей XIX в. Однако стоящие сегодня задачи более сложны. Предстоит включить в познавательный процесс и критически осмыслить источники, не рассматривавшиеся учеными ранее: летописи, житии, отчеты обществ, архивы, коллекции документов рукописного фонда и т. д.

Важной проблемой является критическое осмысление уже существующего материала с учетом тенденций и перспектив новой научной парадигмы о помощи.

Большой спектр работ – от отдельных статей до диссертационных исследований и монографических изданий (А. П. Афиногенова, С. Г. Зубанова, Д. А. Пашенцев, и др.) – был направлен на изучение социального христианского служения Русской Православной Церкви. Для данных исследований характерно то, что в них критически осмысливается опыт христианского социального служения. Вместе с тем представлено и позитивное начало в деятельности Русской Православной Церкви, где феноменология христианской благотворительности рассматривается в контексте важнейших исторических событий в России. Таким образом, изучение помощи и поддержки в новой исторической парадигме социальной работы получает свое дальнейшее развитие и освещение на рубеже XX и XXI вв.

Предпринимаются попытки показать процесс помощи и поддержки как целостный культурно-исторический феномен, имеющий определенные этапы развития. Можно констатировать: как на рубеже XIX–XX в., так и сегодня, нет единого мнения по проблеме периодизации социальной работы, да и сам процесс имеет различные понятийные номинации.

Начинает развиваться новая сфера образования, связанная с подготовкой специалистов в области социальной работы. Научно-практическая деятельность в деле подготовки кадров для социальной работы начиналась с создания пакетов программ, подготовки пособий и учебных материалов, разработки профессиограммы социального работника, требований к его практической деятельности.

В работах С. Беличевой, И. Зимней, Б. Шапиро определены подходы к личностно ориентированной подготовке социального работника в контексте гуманистической и культурологической парадигмы.

Процесс подготовки социального работника, особенности формирования специалиста в системе профессионального обучения и воспитания рассмотрены в работах В. Бочаровой, А. Вербицкого, И. Лавриненко, П. Павленка, В. Сластенина, Е. Холостовой, Н. Шмелевой.

Проблемы подготовки специалистов в области социальной работы и ее различных сфер находят свое отражение в современных отечественных исследованиях. Л. Старовойтова рас-

смаатривает исторические корни социального образования, в работах М. Беляевой и Н. Володина раскрыты особенности подготовки специалистов социальной работы для учреждений здравоохранения. Т. Долговой и В. Ивановым показаны особенности подготовки специалистов для службы семьи. Вопросам подготовки специалистов для социальных служб уделено внимание в работах санкт-петербургских исследователей В. Лутанского и К. Оганяна.

Новым этапом в развитии системы подготовки специалистов, теоретического обоснования профессионального обучения и воспитания социальных работников становится деятельность УМО вузов России при РГСУ.

Разработанные государственные образовательные стандарты трех поколений позволили выйти на представление о национальных профессиональных стандартах подготовки специалистов, бакалавров, магистров социальной работы. Идеология стандартов позволила сформировать концептуальные представления о сущности социального образования.

Впервые в России под научным руководством профессора (ныне академика РАН) В. И. Жукова был создан комплект учебных пособий в области социальной работы, где были систематизированы современные знания о социальной политике, теории, истории, социологии социальной работы.

Зарубежный опыт социальной работы представлен в трудах А. Д. Григорьева, А. А. Козлова, В. Н. Колкова, К. В. Кузьмина, Б. А. Сутырина, М. В. Фирсова, В. А. Фокина, П. Я. Циткилова и др.

К методологическим проблемам относится *проблема изучения исторических источников*.

Все использованные материалы при подготовке учебного пособия по истории социальной работы можно разделить на следующие группы: 1) законодательные источники и материалы официального делопроизводства; 2) справочные и статистические издания; 3) научные труды и публикации исследователей; 4) архивные материалы; 5) документы личного происхождения; 6) периодическая печать.

Проблемы периодизации социальной работы

В связи с тем, что в мире существует огромное количество периодизаций общественной помощи, проблематично создать какую-либо универсальную периодизацию, пригодную одновременно и для России, и для зарубежья. Кроме того, периодизации в России невозможно подвести под общий знаменатель в связи со сменой после Великой Октябрьской социалистической революции и событий 1991 г. идеологии. Поэтому мы ознакомимся с наиболее известными периодизациями в исследуемой области.

А. Д. Стог в 1818 г. предложил *первую известную периодизацию* общественного призрения в России в книге «О общественном призрении». В основе периодизации А. Д. Стога лежит диахронический подход. А. Д. Стог выделил 5 основных периодов общественного призрения в России: I период – 998 г. – XIV в.; II период – XIV–XVII вв.; III период – 1701–1775 гг.; IV период – 1801 г.; V период – 1801–1818 гг. Периодизация А. Д. Стога связывается с мерами правительства в области общественного призрения.

Вторую периодизацию предложил также дореволюционный теоретик Е. Д. Максимов в труде «Историческое обозрение мер правительства по устройству общественного призрения в России» (СПб., 1874). В целом он следует периодизации, предложенной А. Стогом. Е. Максимов впервые ставит вопросы о более ранних формах помощи, существовавших у славянских племен до принятия христианства, и учитывает новые реалии времени.

Интересные периодизации предложили дореволюционные теоретики В. И. Герье и А. И. Якобий. Оба исследователя считали, что в основу периодизации должны лечь крупные пандемии, поскольку именно они способствуют возникновению новых форм и способов помощи. В частности, В. И. Герье выделял все три формы общественного призрения: милостыня, бога-

дельня, попечительство. Следовательно, и периодов он выделял три, в соответствии со временем появления и закрепления в общественной практике указанных форм.

Проблемы периодизации волнуют также и современных исследователей социальной работы. Наиболее интересные периодизации представлены в работах Е. И. Холстовой, Л. В. Бадя, А. С. Сорвиной, других ученых-исследователей московских вузов.

Однако мы будем следовать периодизации, разработанной на кафедре истории, теории методов социальной работы РГСУ под руководством профессора М. В. Фирсова, ученика В. И. Жукова.

Периодизация истории социальной работы в России

- I. Архаический период – до X в.
- II. Период княжеской и церковно-монастырской поддержки – с X по XIII в.
- III. Период церковно-государственной помощи – с XIII до конца XVII в.
- IV. Период государственного призрения – с конца XVII до 2-й половины XIX в.
- V. Период общественного и частного призрения – со 2-й половины XIX до начала XX в.
- VI. Период государственного обеспечения – с 1917 по 1991 г.
- VII. Период социальной работы – с начала 90-х гг. XX в. по настоящее время.

Подобные периодизации можно составить по любой зарубежной стране. Как показал анализ, все зарубежные страны прошли аналогичные этапы развития форм помощи. Разница во временных рамках составляет от 50 до 100 лет.

В основе мировой периодизации помощи лежит институциональный подход.

Периодизация мировой истории социальной работы

- I. Период от VII в. до н. э. до IV в. н. э.
- II. Период IV–XVII вв.
- III. Период XVII–XIX вв.
- IV. Период с конца XIX в. по настоящее время.

В первый период мировой истории социальной работы преобладает родовая система помощи и поддержки, осложненная социокультурной стратификацией языческих государств, до формирования христианской парадигмы помощи. Во второй период система помощи развивается в рамках мировых конфессий; в третий период происходит изменение системы помощи в связи с развитием капиталистических отношений в большинстве развитых государств, четвертый период характеризуется многообразием подходов к социальной работе как к механизму реализации государственной социальной политики.

Темы для обсуждения на семинарских занятиях

- 1. Основные исторические парадигмы и модели социальной работы.
- 2. Суть и специфика современных научных подходов к историческому познанию в истории социальной работы.
- 3. Методы научного познания исторических процессов социальной работы.
- 4. Герменевтический подход в выявлении предметно-понятийных интерпретаций категориального аппарата современной социальной работы.

Темы для докладов и рефератов

1. Проблемы периодизации общественного призрения в отечественной историографии XIX в.
2. Западноевропейская и отечественная периодизация социальной работы: проблемы и тенденции.
3. Отечественная историография социальной работы: традиции и инновации.

Список литературы

1. *Кононова Т. Б.* Благотворительность императорского дома. XIX век: историко-социальный аспект: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004.
2. *Кононова Т. Б.* Очерки истории благотворительности: уч. пос. М.: Дашков и К, 2005.
3. *Фирсов М. В.* История социальной работы: уч. пос. для высшей школы. М.: Академический проект, Трикста, 2008.
4. *Фирсов М. В., Кононова Т. Б., Сорвина А. С., Субаева О. Н.* Хронограф российской истории социальной работы // Под ред. М. В. Фирсова. М.: Изд-во МГСИ, 1999.
5. *Холостова Е. И., Мельников В. П.* История социальной работы в России: уч. пос. М., 2006.

Тема 1.2. Древнейшие формы помощи и взаимопомощи у славянских племен

Аннотация. Вторая тема первого модуля посвящена изучению организации социальной помощи в родовой древнеславянской общине. В ней раскрываются следующие вопросы: культовые формы помощи с различными сакральными атрибутами; общинно-родовые формы помощи; хозяйственные формы помощи.

Цель. Познакомить студента с особенностями миропонимания древних славян и системой помощи и взаимопомощи как обязательного атрибута нравственных социально ответственных поступков по отношению друг к другу.

Культовые формы помощи с различными сакральными атрибутами

Древнейший период отечественной истории социальной работы связан с ранними формами социальной организации славянских племен.

Проблематично определить ввиду отсутствия письменных источников начальные временные рамки исследуемого исторического периода. Мы можем только предполагать их на основе исторических реконструкций. Богатым материалом, позволяющим прояснить праисторические формы помощи и взаимопомощи в древнейшей общности, являются славянская мифология и сохранившиеся аграрные культы. Они позволяют воспроизвести ранние формы системы редиистрибуции и реципрокации. Именно эти процессы лежали в основе ранних форм социальных связей. Их основное предназначение было связано с функциями защиты индивида в системе рода и общины. Родовые отношения до возникновения классового общества являются важнейшим охранном механизмом, фактором этнической идентификации и социализации индивида.

По мнению большинства современных историков, основными общественными функциями рода являлось сохранение верховной собственности на землю. Род выступал регулятором семейно-брачных отношений; выполнял функции взаимопомощи, взаимответственности и защиты.

По мнению ряда историков, в обиходе крестьянского уклада эти языческие праисторические формы были сохранены вплоть до начала XX в. Использование различных источников для анализа способов защиты и поддержки в древнейших славянских общностях позволяет выявить основные формы защиты и поддержки:

- культовые формы поддержки с различными сакральными атрибутами;
- общинно-родовые формы помощи и защиты в рамках рода, семьи, поселения;
- хозяйственные формы помощи и взаимопомощи.

Однако прежде чем перейти к анализу древнейших форм помощи, необходимо остановиться на особенностях языческого мифологизированного сознания как исторической формы осознания реальности общности и природы, где собственно формируются принципы реципрокного общественного поведения.

Древние славяне поклонялись кругу, колесу. Круг обозначал символ жизни, символ защиты, определенной целостности, неизменяемости, стабильности, основательности, выступал в качестве оберега от злых духов. Для языческого миропонимания характерным было то, что человек ощущал себя не обособленной личностью, а частью некоего единства. Эта принад-

лежность к целому достигалась общинным существованием, обрядовой и трудовой деятельностью.

Ощущая себя принадлежностью целого, человек закреплял в общинных традициях нормы своего существования в контексте природы и в мире людей. Философия холизма (целостности) закрепляет, помимо принципов существования, еще и архетипические страхи, которые являются регуляторами поведения. Одним из таких страхов был и остается дошедший до нашего времени страх одиночества, оторванности от своего сообщества.

Проблемы холизма и одиночества требовали создания механизмов охраны и защиты целостности. По мнению М. В. Фирсова, выделение механизмов помощи и защиты как механизмов, поддерживающих некую целостность, изначально было связано с сакрализацией, обожествлением этих процессов. С изменением системы культовых форм «дара» и «взаимоотдара» трансформируются функции помощи и защиты коллективной общности. Сакральные формы поддержки тесно связаны с мифологическим миром древних славян.

Древняя славянская мифология претерпела в своем развитии несколько стадий: поклонение божествам природы, прародителям, персонифицированным богам.

На первой стадии преобладали различные божества природы и обереги. Фетишизация отдельных предметов, наделение их сакральными свойствами, возможно, одна из первых функций переноса, связанная с «периодом духов». Оберегами выступали как отдельные предметы, так и растения – береза, дуб, осина. Славяне наделяли божественной силой различных животных и поклонялись им как богам, совершая коллективные ритуальные действия на капище (от древнерусского капь – идол; место свершения ритуалов) и принося жертвы на требище. Завершался обряд коллективным поеданием особым образом приготовленного жертвенного животного.

Среди наиболее почитаемых животных были следующие: лоси, олени, волки, медведи. Особым уважением пользовался у славян волк – волохатый. Возможно, он связан с почитанием в более позднее время Велеса – скотьего бога. Человек, облаченный в выделанную шкуру волка и называемый волкодлаком, ощущал себя равным лесному богу охоты и персонифицировался и с вожаком, и с удачливым охотником. Многочисленным жителям леса, от которых зависел удачный или не очень поход, также приносились требы (жертвоприношения). Среди лесных богов особое почитание вызывали леший, кикимора болотная, русалка. Причем до наших дней дошло поверье, что если лешему принести гостинец, то он не даст путнику заблудиться, а также что магия лешего закончится, если надеть наизнанку верхнюю одежду. Что касается русалки, то до принятия христианства она была добрым божеством, помогающим водным путешественникам. В память об этом мы до сих пор украшаем дом цветами и пускаем венки на воду.

Женские божества – мать-олениха и мать-лосиха. В подражание им женщина украшала голову в праздники специальной шапочкой с рогами – кикой. На одежде в качестве оберегов вышивались изображения данных тотемных животных. К ним принадлежала и лошадь. До сих пор в русской традиции сохранилась потребность украшать наверху дома коньком как оберегом от нечистой силы. К числу оберегов дома относится и украшение его входа оленьими или лосиными рогами.

Дома женщине помогали управиться с многочисленными обязанностями различные божки-спехи. Среди наиболее почитаемых были добрые божки – домовые, дрема, баюн и др. Женщине надо было уметь поладить и с «вредными» обитателями ее жилища – шишигами, шишиморами, которые норовили выкинуть уголек из печи, опрокинуть кринку с молоком, запутать пряжу. Особого внимания требовали к себе банник (бог бани) и навьи (души умерших насильственной смертью), также проживающие в бане. Им также приносились требы. Надо отметить, что многие современные жители деревни подчас оставляют в бане обмылок, веник и воды в шайке: так поступали наши прародители, стараясь задобрить обитателей бани и тем самым спастись от угара, ожога, перегрева и других возможных неприятностей.

По мере развития представлений славян о мире на первое место стали выходить боги-прародители. На данной стадии главными стали Род и Рожаницы – прислужницы Рода. Среди наиболее почитаемых прародителей можно назвать Бабу-ягу, которую древние славяне уважительно называли Яшей. Боги выступали как активные помощники в наиболее ответственных ситуациях: жизни, смерти, рождении ребенка, урожае, домашнем хозяйстве и так далее.

Славянские языческие боги имели свою «специализацию», в этом они мало чем отличаются от греческого, римского, восточного пантеона, на что обращали внимание многие отечественные исследователи.

Тождественность в функциях позволяет предполагать, что на ранних этапах социальной общности закрепляются определенные общественные механизмы взаимодействия. Они выступают в качестве нормативных и существуют как определенные традиции (традиция – это определенный стереотип социального поведения, сохраняемый на сознательном и бессознательном уровне).

Реципрокно-редистрибутивные отношения персонифицировались со справедливыми действиями древних славянских богов. Мы говорили уже о реципрокном и редистрибутивном общественном поведении. Это были значимые связи. Как традиция, они не могли не закрепиться в народном сознании в системе религиозно-мифологических представлений. Можно предполагать, что именно эти связи идентифицировали и кодифицировали два бога: Дажьбог и Стрибог. У Перуна (Сварога) были два сына – Сварожичи: Дажьбог и Стрибог.

Под покровительством Дажьбога находились все божества плодородия, лесов, скотоводства, звероловства, растений и т. п., потому что он был подателем всех благ земных. Дажьбога нередко изображали в летучей колеснице. Стрибог – повелитель, верховный властитель ветров. Слово «Стри» означает воздух, поветрие. Стрибога почитали как истребителя всяких злодеяний, разрушителя злоумышлений. Это также бог морозного ураганного ветра, вырывающего с корнем деревья. Дажьбог – «бог-даятель», он наделял богатством, наследием. Стрибог распределял богатство. Эти два бога соотнесены друг с другом и выступают как некое парное единство.

Не менее интересно и достаточно спорное божество – Белобог, Белун. Это бог богатства и милосердия (в белорусском эпосе).

Важными были женские божества: Мокошь, Лада. Почитался бог сезонной смерти Кошт, а также боги смерти настоящей – Мара, Чернобог, Вий, прислужницы Мары Кручина, Жель, Журба, Карна. Особое место занимал скотий бог Велес.

Таким образом, реципрокно-редистрибутивные связи, которые выступают в качестве дара высших существ, рассматриваются как высшие сакральные ценности и впоследствии персонифицируются с «лучшими людьми», то есть обретают свое земное существование.

Более поздней формой почитания богов являлись братчины, празднуемые сельскими общинами. Это был традиционный корпоративный праздник. Он проводился всем селением, либо несколькими селениями в складчину, где каждый участник праздника предоставлял долю продуктов для организации стола. Такие празднования назывались ссыпками, мирщиной, ссыпщиной. В XIX в. во многих уездах такие традиции были еще достаточно распространены и собирали на взаимное угощение в Петров, Ильин, Спасов день до 25 деревень.

Почитание богов тесно связано организацией праздников, которые выполняли функцию «мирного перераспределения имущества» и продуктов. Они являлись неотъемлемой частью быта в древнейшей общности, а также механизмом экономического равновесия, совместного потребления в ситуациях социального и экономического неравенства. Многие праздники совпадают по времени с наличием обилия благ, в особенности пищи, а ритуал призван освящать такое обилие, которое в религиозных верованиях всегда трактовалось как проявление сверхъестественных сил – милости, за которые люди обязаны публично благодарить эти силы.

Культовые традиции почитания богов тесно связаны с ранними механизмами распределения и перераспределения, выступали определенной системой помощи и поддержки на уровне сакральных отношений.

Другим важнейшим механизмом закрепления реципрокных отношений, связанных с сакральными установками, являлись родовые обряды почитания предков. Сакрализация данных процессов, с одной стороны, раскрывалась в системе родового пространства, когда умершие предки обожествлялись, и к ним обращались через культовые обряды, что в конечном итоге вело к определенному родовому единению.

По представлениям древних, человек переселялся в другой мир, оставляя за собой свои привычки, склонности, привязанности, потребности. Археологические раскопки древних могильников свидетельствуют о том, что древние славяне в могилу клали необходимые орудия быта, утварь, животных.

Наши предки верили в загробную жизнь человека, верили в бессмертие. Загробная жизнь была подобием этой земной жизни и служила продолжением существования человека; вот почему покойника снабжали всем тем, что необходимо живому человеку. В честь умершего устраивались тризны, погребальные состязания, игрища, трапезы, что наблюдается у многих народов. Считалось, что покойник невидимо присутствует и принимает участие во всеобщем действии. В день похорон и в дни поминовений родственники жертвовали определенную милостыню – «справу». Это была милостыня «с рук». *Вероятно, возможно назвать ее первой и древнейшей технологией помощи в виде раздачи единовременного продуктового пособия.*

Умерших зимой славяне чаще всего складывали в снегу за городищем, а по весне сжигали и сохраняли прах в специальных скудельницах – избах смерти. Скудельницы представляли собой деревянные избы на курных ногах (то есть на высоких столбах, которые окуривали смолой). Впоследствии, после принятия христианства, эти избы как символы смерти стали жилищем Бабы-яги – прародительницы древних. В скудельницах могли останавливаться сторонники и «гости» – представители других общин, прибывшие для товарообмена.

После принятия христианства возле скудельниц как самых людных торговых точек (гостьбы) стали возводить храмы. Постепенно гостьба превратилась в погост, а скудельницы – в сооружения на кладбище, где жили богаделки (специалисты по похоронам) и брошенные дети. Понятие «гостьба» с течением времени трансформировалось в «гостиницу» – место проживания приезжих.

Общественными формами помощи, связанными с культом смерти, являлись общинная тризна, общинная милостыня, «справа» и общественное перезахоронение.

Общинная тризна представляла собой веселый праздник поминовения покойника. Она сопровождалась конноспортивными и иными состязаниями, хороводами, песнями, игрой в горелки, прыжками через очистительный огонек и т. д. Завершалась тризна ритуальным поеданием продуктов, принесенных общинниками на праздник поминовения покойных. Остатки с пиршественного стола («справа», «слепня») раздавались ослабленным членам общины.

И наконец, последним аспектом сакрализации процесса помощи является культ героя и следование общинным традициям, подчинение общественным нормам жизнедеятельности последующих поколений предшествующим. Славянские традиции помощи выступают в качестве механизма сохранения мирских отношений, единого общинного пространства.

Показательны в этом отношении княжеские пиры, которые собирали дружинников. Дружинник не только ходит на прокорм к князю, «он столуется у него», пиры – его право. Княжеский пир, как и братчина, – акт обрядовый, установленный издревле. В княжеских стенах среди медопития складывались высокие христианские традиции нищелюбия и страннолюбия.

Принимать участие в княжеских пирах может не только дружинник, занимающий почетное место, но и все пришедшие на пир. Греческая Церковь задолго до принятия христианства на Руси посылала монахов-паломников, которые приносили «богатую милостыню» из славян-

ских земель. Возможно, что княжеские пиры были одним из ее источников. Сохранение единого общинного пространства между князем и дружинниками вызвали определенные формы помощи и взаимопомощи, связанные с выкупом пленных. Этот факт зафиксирован договорами князя Олега с Царьградом.

Общинно-родовые формы помощи

Общинно-родовые формы помощи и поддержки были связаны с языческим родовым пространством, которым выступала вервь – круговая порука. *Вервь* – идеологическая система взаимоподдержки общинниками друг друга. Вервь была не только древней формой гражданского права, но и системой взаимоподдержки общинниками друг друга. Возможно, она могла быть той основой, которая позволила после принятия христианства появиться церковной общине – приходу на славянской почве.

Общинно-родовая форма помощи для нас интересна в контексте поддержки наименее защищенных членов общества, какими являлись старики, женщины, дети. По сути дела, в языческую эпоху была заложена традиция заботиться о слабых и немощных. Однако данная группа клиентов таковыми становится не сразу и претерпевает свою культурно-историческую эволюцию. Так, «институт старцев» начал оформляться тогда, когда в общине сформировалось определенное отношение к людям, не являющимся активными участниками трудовой и коллективной жизни (под институтом в данном случае понимаются устоявшиеся формализованные отношения).

Старики и дети как объекты помощи находились в одной социальной группе. Можно говорить о том, что половозрастная стратификация первоначально не была связана с социовозрастной. И отношение к старикам было такое же, как к детям. Архаические народные представления и детей, и стариков идентифицировали как «чистых», не живущих половой жизнью. Отсюда общее в одежде у тех и других и общее отношение к ним.

Инфантицид (узаконенное убийство ребенка, а первоначально – и старика) как характерное явление на ранних этапах развития общественных отношений, распространенный как в западной, так и в отечественной истории, существовал не только в отношении к детям, но и к старикам. Это были ранние страницы славянской истории.

Однако когда происходит социовозрастная стратификация общинной жизни, когда оппозиция «старый – молодой» добавляется оппозицией «старший, мудрый – младший», формируются ритуалы поминания предков. Традиция отправления старцев на тот свет заменяется культом мудрой старости. Уровень инфантицида старцев снижается, тогда как детский инфантицид сохраняется вплоть до XVIII в. В основном обязанности по уходу за старцем брала на себя семья. Если семья отсутствовала, заботу о стариках брала на себя община.

Можно выделить *три основные формы поддержки стариков*: выделение «косячка», кормление по дворам; уход на погост.

Одной из древних форм поддержки стариков был специальный отвод плодородных, легких в обработке земель по решению общества – «косячок», который давал возможность заготовки сена.

В том случае, когда старики окончательно «впадали в дряхлость», они призревались общиной. Старика определяли на постой на несколько суток – на ночлег и пропитание, затем он менял своих кормильцев. Такой вид помощи был своеобразной общественной повинностью и получил название «кормление по дворам». Данная архаическая форма, несколько видоизмененная, сохранялась до конца XIX столетия.

Другой формой поддержки старцев был их добровольный уход из общины. Пожилые люди, которые в силу возрастных возможностей не могли участвовать в трудовой деятельности, селились недалеко от общины на погостах. Они строили себе кельи и жили за счет подаяния.

Похожие формы помощи можно наблюдать и в отношении сирот.

Самые ранние формы «института детского сиротства» были связаны с формами домашнего рабства. Домашнее рабство выросло из распространенного обычая, по которому захваченные в плен взрослые мужчины умерщвлялись, а женщины и дети адаптировались племенем победителей и входили в одну из его семей. Рабство как форма сохранения жизни наблюдается у многих народов мира (в племени майя, в древней Японии и др.). В данной ситуации оно выступало своеобразным институтом защиты и сохранения жизни ребенку. Можно предполагать, что общность постепенно формировала и другие институты поддержки сирот в пределах родового общинного пространства. Возможно, первоначально это были чисто экономические мотивы, но они формировались в системных связях реципрокных отношений. Еще на стадии первобытной коммуны возникли связи между членами разных общин в виде дарообмена. Дар представлял собой переход вещей из собственности в собственность и с неизбежностью предполагал отдар. Экономическая система дара и отдара хорошо просматривается в отношении форм поддержки сирот.

Формы поддержки сирот: приемачество (аналог усыновления), мирская помощь в виде кормления по дворам, назначение общественных родителей (аналог опеки).

Принимать сироту в семью могли, как правило, пожилые люди, когда им уже было трудно управляться с хозяйством, или когда у них не было наследников. Это хорошо видно из народных русских сказок. Принятый в семью должен был почитать своих новых родителей, вести хозяйство, а также обязан был их похоронить. Здесь налицо принцип дара и отдара.

Другой формой поддержки была общинная мирская помощь. Она совпадает по своему характеру с помощью немощным старикам, когда ребенок переходил из дома в дом на кормление.

Сироте могли назначить «общественных родителей», которые брали их на прокорм. Сироты, имеющие собственное хозяйство, не подлежали усыновлению и назывались «выхованцами» или «годованцами». Усыновлению препятствовала община. Однако в любом случае сирота имел поддержку от мира, был обязан почитать, кормить и достойно похоронить своего воспитателя.

Вдовы, как старики и сироты, считались также социально уязвимыми субъектами в родовой общине. Институт вдовы формировался постепенно, проходя в своем развитии определенные этапы. Возможно, на ранних этапах отечественной истории института вдовы просто не существовало, поскольку жена была обязана следовать за своим супругом. Ее хоронили (сжигали) вместе с культовыми предметами, хозяйственной утварью и продуктами питания.

Институт вдовы, возможно, сформировался незадолго до принятия христианства. Вероятно, первые формы помощи институту вдов развивались во все той же парадигме дара – отдара в системе сакральных отношений.

Формы поддержки вдов: наделение вещами покойного в случае активного участия в обряде подготовки покойника к уходу в другой мир, хождение за «навалным», участие в мятельна с последующим вознаграждением.

Находясь близко к миру смерти, вдовы становились «безгрешными», «чистыми», и им доверяли обмывать и обрядить покойников. Возможно, это древняя форма языческой магии, однако в качестве отдара за это они получали вещи покойного. Так же, как и старикам, сельская община предоставляла вдовам землю, на них распространялись те же «льготы» в аспектах мирского призрения. Не менее древняя традиция поддержки вдов – хождение за «навалным», которая встречалась в прошлом веке на юге Украины.

Хождение за «навалным» – вид общинной поддержки, который заключался в том, что женщине оказывали помощь продуктами, как правило осенью, после уборки урожая. Соблюдался определенный ритуал, который включал в себя особым образом организованный приход в дом, где будет оказана помощь. Вдовица иносказательно приглашала соседей в гости,

а затем, когда «гости» приходили и приносили определенное количество запасов, предлагала им выпить и закусить. В данном случае также налицо древнейшая форма обмена товарами и услугами: «Ты мне, а я тебе».

Что касается такой формы, как мятье льна, то следует иметь в виду, что это была очень трудоемкая повинность. Она включала в себя множество стадий обработки: посев, уход за посевом, жатва, молотба, изготовление из семян льняного масла, тербление льна, его вымачивание, прядение и т. д. Этот длительный процесс нуждался в постоянной квалифицированной рабочей силе. В качестве отдара вдовица получала изрядный кусок холста. Она могла использовать его в качестве товарообмена или для получения прибыли посредством изготовления из льна одежды или вышивки.

Таким образом, на стадии родовой общины зарождаются механизмы поддержки тех субъектов коллектива, которые в силу разных обстоятельств не могут быть равноправными участниками жизнедеятельности. Параллельно развивается парадигма взаимопомощи, связанная не с индивидуальными формами защиты, а с коллективными, когда поддержка оказывается семье, соседской общине, целому роду.

Хозяйственные формы помощи

Хозяйственные формы взаимоподдержки и взаимовыручки на ранних стадиях развития славянских племен первоначально были связаны с аграрной магией.

В основе хозяйственной взаимопомощи и взаимоподдержки лежит взаимовыручка, или форма обмена, зародившаяся в первобытной общине с появлением в ней распределения по труду и личной собственности. В основе данной формы помощи лежит взаимовыгодное экономическое сотрудничество, а материальные блага и услуги находятся в постоянной циркуляции между субъектами на основе их взаимных обязательств.

Однако ранние хозяйственные формы поддержки первоначально носили ритуальный характер и до XIX столетия сохранили форму народных праздников. Древнейшие земледельческие славянские праздники обыкновенно связывают их с четырьмя временами года, каждому из которых соответствовали свои «братчины», «ссыпщины», «холки», «посиделки», «беседы», «никольщины». Как правило, эти праздники связывали с ритуальным персонажем Ярилой, который олицетворял плодородие, прибыток, урожай. Выдающийся историк Владимир Соловьев, изучая мифологический процесс в древнем язычестве и проводя сопоставительный анализ с культами богов других культур, считает, что вакхический культ Шивы. Диониса, Адониса, Фро соответствует славянскому Яровиту, или Ярилу, для которого также характерны народные игры, танцы, угощения, употребление в неограниченном количестве спиртных напитков. Вакхический культ сопровождался оргиями, в которых человек терял свою сознательность, свой личный разум и волю, приходил в экстатическое состояние, становясь в уровень со слепой, инстинктивно действующей природой.

В народе «помочи» рассматривались как трудовой праздник, в котором принимало участие все сельское население независимо от социальной принадлежности общинника.

Виды «помочей»: обязательные и необязательные; сезонные и внесезонные; связанные и не связанные с сельскохозяйственными работами.

К обязательным несезонным видам помощи можно отнести такие формы поддержки, которые связаны с экстремальными ситуациями, например пожарами или наводнениями.

Обязательной формой поддержки можно считать «наряды миром». Она осуществлялась в том случае, когда в общине заболевали взрослые и нужна была помощь в деле управления хозяйством. В перечень таких помочей входили растапливание печи, кормление домашнего скота, уход за детьми.

К данной группе поддержки можно отнести и обязательные помочи при постройке дома, мельницы, других общественных объектов, когда за угощение осуществлялся весь необходимый комплекс работ. Все вышеперечисленные формы помощи относятся к внесезонным.

Обязательные сезонные помочи связаны с такими сельскохозяйственными работами, как покос общественных угодий, сбор урожая и т. д. В их числе отдельно следует выделить толоки. *Толоки* включали в себя не только формы совместной обработки земли, но и различные виды перевозок: сена, хлеба, навоза. В разных местностях они имели различную направленность: с одной стороны, они были формой совместной деятельности, с другой – формой помощи бедным крестьянам.

Своеобразной формой помощи была и форма *складчины*. Под этим явлением понималось не только совместное кормление, но и заготовка складчиной корма для скота.

Можно говорить и еще об одном виде хозяйственной помощи, связанном с совместным использованием рабочего скота – супряге. *Супряга* – разновидность обязательной сезонной помощи в виде обработки земли наемными волами. Этот вид помощи предусматривал взаимообмен услугами, когда предоставляющий помощь в конечном итоге сам выступал в качестве «нанимателя на работу».

К необязательным и несезонным видам помощи можно отнести различного рода соседские «помочи». Необязательные виды помощи имели свой структурный сценарий. Он состоял из следующих элементов: ритуальный договор, где обязательным элементом являются «хлеб-соль и магарыч», совместная трудовая деятельность в договорные сроки, праздник по окончании работ. Если проанализировать различные многообразные их формы, то можно отметить, что в организации такой соседской помощи сохранены остатки магических аграрных культов, и по завершении всех видов полевых работ устраивались всем миром совместные трапезы, игры, танцы, катания.

Своеобразными регуляторами социальных отношений внутри общины выступали *волхвы*. Они появились в период обожествления природы и являлись своеобразными «ферментами» в деле организации поддержки групповой общности не только с реальными, но и с ирреальными силами. Волхвы одновременно с языческими богами «формировали» стереотипы реципрокного поведения в новых исторических условиях. Волхвы в древнерусской традиции – «языческие жрецы, звездочеты, чародеи и предсказатели». Практически они выполняли те же функции для родового общества, что и шаманы у многих народов. Жрецы и шаманы явились предтечами будущих священнослужителей: монахов, лам, попов, ксендзов, мулл, которые появятся спустя столетия.

Волхвы выступали в качестве определенных «регуляторов» общественных, групповых отношений. В этом смысле можно говорить о том, что они были прорицателями судьбы как отдельного индивида, так и общности в целом. Причем их деятельность разворачивается в «пандемических» обстоятельствах, обстоятельствах кризиса экономического, социального, личностного, когда необходимо было разрешить ту или иную проблему.

Действия волхвов носили сакрально-мифические установки, они подкреплялись определенными ритуальными действиями, и, что очень важно, действия неразрывно были связаны с идеологией поддержки. Она была одним из факторов, которые после уничтожения пантеона языческих богов долгое время позволяли сохранять языческие традиции, что дало возможность сакральной системе поддержки существовать на протяжении еще трех столетий.

Развитие нормативно-правовой поддержки социальной помощи и взаимопомощи в архаический период

Для архаической парадигмы помощи и взаимопомощи характерна нормативная регуляция социальных отношений, основанная на обычном (повседневном, бытовом) праве. Она

включает непосредственную помощь и взаимопомощь в самоорганизующихся системах – в общине (родственной, соседской, территориальной), в семье, в родственных кругах. Характерные черты: отсутствие посредника в лице государства (или других структур); субъект – субъектные отношения; адресность; обязательность, обоснованная социокультурной регуляцией; разделение на взаимопомощь в повседневной жизни и в чрезвычайных обстоятельствах. Представления о том, кто, когда и при каких обстоятельствах может (и должен) стать получателем, а кто и в какой форме будет источником помощи, строго регламентировалось в нормах повседневной жизни традиционного общества.

Обстоятельства жизни большинства архаических сообществ были очень сложны: проблемы выживания в борьбе с природными условиями, хищниками, воинствующими соседями, в борьбе за существование при крайне слабо развитых производственных возможностях делали необходимым максимальное сплочение сил. Обязательность взаимопомощи освящалась сакральными принципами, единством религиозно-мифологического сознания. Воспроизводились они в процессе внутригруппового и межличностного общения и поддерживались достаточно жесткими традиционными санкциями (от прославления до ostracism – изгнания из сообщества, что в большинстве случаев было равносильно смерти). В итоге соблюдение норм помощи и взаимопомощи выступало как важнейшее условие физического выживания общины.

Гарантом соблюдения норм выступало как само сообщество (община), так и специальные структуры: совет старейшин, вожди, служители тех или иных культов (шаманы, волхвы и др.). Постепенно ведущая функция переходила к военизированным структурам – князьям, вождям, царям, возглавлявшим дружины, войско, к ним же переходила и судебная власть, что сопровождалось первыми попытками создавать комплексы письменного права («Кодекс царя Хаммурапи», «Русская правда»).

Нормы помощи и взаимопомощи архаического периода несут печать религиозно-мифологических, культурных, этнических особенностей каждого народа. В этом смысле они неповторимы, имеют многовековую традицию, глубоко укореняются в сознании каждого народа и в форме коллективного бессознательного становятся основой ментальности, которая во многом предопределяет сознание современного человека как носителя той или иной национальной культуры. Нормативно-правовая регуляция социальной помощи и взаимопомощи только в архаический период носит доминирующий характер. Вместе с тем зародившись в архаический период, она продолжает бытовать на протяжении последующих тысячелетий. На глубинном уровне нормативность социальной помощи и взаимопомощи не уходит с исчезновением конкретно-исторического типа общества, она остается и может быть востребована в необходимый исторический момент.

Обычное право у славянских племен формировалось примерно с VI в. н. э., что по времени значительно позже, чем у народов Древнего Востока или античных государств. Но по содержанию и структуре общественных отношений это сопоставимые сообщества. Отличительной чертой обычного права славянских племен (особенно на территории России) является не позднее становление, а прочность родовых и территориальных связей, которые определяли формы помощи и взаимопомощи вплоть до XVIII в., нередко приходя в противоречие с официальным письменным законодательством. Обычаи помощи были многообразны, имели внутренние институты (побратимство, посестримство, особые формы усыновления), особое внимание уделяли социальной защите не только прямых наследников семьи, но и младших детей (правила минората), вдов и сирот.

Первые правовые документы Древней Руси, касающиеся социальной защиты, были внешнеполитического характера – в договорах русских князей Олега (911) и Игоря (944). Речь шла о защите пленных (воинов и гражданских лиц), предусматривались среди прочих мер взаимные

обязательства о выкупе пленных друг у друга и у третьих лиц. В числе торговцев-собственников упоминаются женщины, что говорит об их большой относительной самостоятельности.

Темы для обсуждения на семинарских занятиях

1. Архаическая парадигма помощи.
2. Культовые формы помощи с различными сакральными атрибутами. Языческие традиции в восприятии современной молодежи.
3. Общинно-родовые формы помощи и поддержки: традиции и современные реновации.
4. Хозяйственные формы помощи у древних славян: исторические особенности и современные традиции у народов РФ.

Темы для докладов и рефератов

1. Вервь как нравственная норма взаимоотношений в славянской общине.
2. Мифы древних славян как способ ненаучной рефлексии на окружающий мир.
3. Проблемы периодизации развития мифологических представлений славян (на примере работ Б. Рыбакова, Д. Шеппинга, Я. Боровского и др.).

Список литературы

1. *Боровский Я. Е.* Мифологический мир древних славян. Киев, 1982.
2. *Кайсаров А. С., Глинка Г. А., Рыбаков Б. А.* Мифы древних славян. Велесова книга. Саратов, 1993.
3. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995.
4. *Фирсов М. В.* История социальной работы: уч. пос. для высшей школы. М.: Академический проект, Трикста, 2008.
5. *Шеппинг Д.* Мифы славянского язычества. М., 1849.

Тема 1.3. Особенности конфессиональной системы помощи в России

Аннотация. Третья тема первого модуля посвящена особенностям конфессиональной парадигмы в России, которая включает в себя два исторических периода развития социальной работы в нашем Отечестве: период княжеской и церковно-монастырской поддержки с X по XIII в. и период церковно-государственной помощи с XIII до конца XVII в.

Цель. Дать представление о политических и экономических предпосылках, обеспечивших смену парадигмы, познакомить со спецификой деятельности ктиторских и вотчинных монастырей, а также приходов в организации помощи нуждающимся.

Крещение Руси и его последствия

В X–XIII вв. происходит изменение парадигмы помощи и поддержки нуждающихся. Это связано с изменением социально-экономической и социокультурной ситуаций. В этот период у славян завершилось разложение первобытнообщинного строя, разрушились родо-племенные связи. Создались условия для появления государства, объединяющего все племена и союзы племен. В качестве правящей социальной группы, «органов власти» фигурируют князья и их дружины.

С древнейших времен на Руси благотворительностью занимались русские князья. Разрозненные факты, свидетельствующие об этом, зафиксированы задолго до принятия русичами христианства. Самые древние акты благотворения встречаются в договорах с греками о выкупе русичей из плена за счет казны еще при князьях Олеге (911) и Игоре (944). С принятием христианства эта деятельность усилилась.

Христианство на Руси уложилось в уже готовые формы дружинного быта, приспособилось к нему, влило в него новый смысл.

Развитие феодальных отношений, интересы единства страны потребовали реформирования язычества, принятия общей религии. В 988 г. князем Владимиром была крещена Древняя Русь, и христианство в православном варианте стало официальной религией. С принятием христианства появилась и особая организация – Церковь как главный (после князя) помогающий субъект.

В 996 г. князь Владимир издает особый документ – Устав, регулирующий правила поведения по отношению к нуждающимся. В нем официально признаются объектами помощи старики, сироты и вдовы, а также монашествующие всех видов, странники, калики перехожие, «хромцы», «слепцы», юродивые, блаженные. Помогаящими субъектами объективно признаются все имущие и, в первую очередь, князь и Церковь.

Церковь находится под физическим и юридическим патронатом князя. В Уставе была определена финансовая составляющая Церкви – десятина.

Таким образом, Церковь достаточно быстро стала в России крупным собственником. Следует отметить, что в отличие от западных стран, этот своеобразный налог в России взимался только с состоятельных людей. Князьям он был вменен в обязанность. Именно с этого времени начинает формироваться христианская концепция помощи, в основе которой лежит философия деятельностной любви к ближнему. Заповедь «Возлюби ближнего как самого себя» становится главным побудительным мотивом в организации новой системы помощи. Изменя-

ется идеологема помощи: она формируется на основе христианских заповедей и простирается далеко за пределы родовой общины.

На первом этапе, в первый исторический период становления христианской или конфессиональной парадигмы помощи, то есть в период с X по XIII в., формируются новые формы помощи – прокормление, лечение, научение. Все они проходят апробацию в церквах и монастырях, созданных на княжеские средства. При монастырях возникают первые странноприимницы и больничные кельи, в том числе для неизлечимо больных.

Первые типы социальных учреждений строила Церковь, вторые создавались на средства князей или церковных деятелей. Первая такая больница была построена Ефремом Сирином Переяславским в 1091 г. Известен своими подвигами на поприще лечения нуждающихся П. Сиротин (Сириянин), служивший в Киевском больничном монастыре при князе Николае Давыдовиче в XIII в. Лечебные кельи, прообразы современных хосписов, имелись в Москве в старинных монастырях – Новодевичьем, Донском, Ново-Спасском. Монахи – служители больничных келий – снискали всеобщее уважение своим бескорыстным служением страждущим, благодаря им сформировались высокие альтруистские принципы в зарождающихся социально-медицинских технологиях помощи нуждающимся.

Происходят изменения в обрядах погребения: теперь приветствуется захоронение умерших и соблюдение поминального обряда в виде трапезы – то есть скорби, плача, поминок в современном их варианте. Радостные тризны подлежат обструкции.

Прежние жертвоприношения трансформируются в конкретные благотворительные акции князя. Теперь новообращенные славяне идут за помощью в Церковь, а князья им дают обеты за исполнение новых религиозных обрядов. Например, если князь просит помолиться за наследника, то он обещает в случае успеха три дня кормить люд на княжем дворе и раздать определенное количество серебра. Это были своего рода и помощь, и справедливое распределение богатства. Таким образом, князь персонифицировался в качестве справедливого наместника Бога на земле. Среди форм помощи начинает преобладать милостыня как способ спасения новоиспеченного христианина от ада за его земные грехи.

Практикуется посыл в учение за границу, главным образом для того, чтобы ближе ознакомиться с правилами православия и изучить язык, на котором написаны священные книги, с целью их перевода на русский. Эти акции осуществлялись также за счет князя.

Становление конфессиональных институтов помощи

Во второй период конфессиональной помощи (XIII–XVII вв.) происходит дальнейшее изменение идеологии помощи, что было вызвано татаро-монгольским нашествием.

Князь уже не может выступать в качестве главного защитника, учителя и судьи. Все эти функции постепенно переходят к Церкви. Именно она помогает облегчить душевные муки претерпевшим насилие от татаро-монгольских набегов, формирует национальное самосознание и гордость, оказывает первую помощь. Князь постепенно отходит на второй план, становится частным милостедатцем.

В связи с татаро-монгольским нашествием функции князя трансформируются, у него появляются новые функции: санитарно-эпидемиологические и дипломатические. В первом случае князь был обязан восстановить разоренный город, главным образом за свой счет. В его задачи входит также сбор разбежавшихся по лесам горожан, очистка города от последствий нашествия, то есть похороны, организация скотомогильников, приведение в порядок разоренных храмов, очистка отравленных колодцев, забитых трупами младенцев и собак, и т. д. Во втором – он должен был суметь договориться с врагом о выдаче охранного ярлыка – грамоты татаро-монгольского хана, спасающей город от разорения и подтверждающей своевременную уплату дани орде.

Церкви между тем набирают силу и влияние. Вокруг них формируются монастыри как главные помогающие субъекты. Сначала это монастыри ктиторские.

Ктиторские монастыри развивались в древних русских городах, а их насчитывалось всего от 25 (X в.) до 150 (XIII в.) по стране. Они были малочисленны – по 12–15 человек. Жизнь в них строилась по келейному принципу. Не возбранялось выходить за пределы с целью сбора для себя милостыни, не обязательны были соблюдение устава и даже обряд пострига. То есть жизнь была достаточно свободной. Нередко в келье жили целые семьи ктитора или его вдова с детьми за тот денежный, земельный или иной пансион (финансирование), который он вложил для обеспечения жизнедеятельности монастыря. Так постепенно формируется прообраз современных интернатных учреждений для содержания за плату определенной категории нуждающихся людей.

В народной среде ктиторские монастыри постепенно стали утрачивать свой авторитет, так как с победой над татаро-монголами перестали выполнять функции защиты и помощи. Кроме того, отсутствие строгого монашеского устава и обилие людей, живущих без пострига, привели к падению нравов в монастырях такого типа.

Главную роль в качестве помогающего субъекта начали играть вотчинные монастыри. Они стали развиваться на окраинах России, выполняли важные функции захвата земель и придания им статуса государственных российских, а также крестили инородцев. Кроме того, вотчинные монастыри привлекали к работе на себя народных умельцев, что давало им освобождение от произвола царских чиновников, пошлин и податей. В случае старости или увечья работный люд принимался в монастырь на полное обеспечение до самой смерти. Усопшего хоронили на территории монастыря.

Создателем первого вотчинного Иосифо-Волоколамского монастыря является Иосиф Волоцкий (1439 (40) – 1515). С его именем напрямую связан идейный спор между «стяжателями» и «нестяжателями» (Нил Сорский, 1433–1508), состоявшийся в 1501 г. «Стяжатели» считали, что Церковь должна собирать и приумножать богатство, чтобы быть «могучей» и иметь собственные социальные программы. «Нестяжатели» утверждали, что всякое стяжание приводит к порче человеческой породы, к развитию ненасытности и злобы. Важна также мысль, культивируемая «нестяжателями», о том, что бесплатная помощь развращает человека, формирует социальное иждивенчество, способствует ненасытности и развитию злобы в адрес благотворящего, не способного удовлетворить все нужды благодельствуемого. В конечном итоге победили «стяжатели». Однако обе идеи получили свое развитие. Первая – в построении материально-технической базы призрения (богадельни, больничные кельи, приюты и т. д.); вторая – в создании в перспективе бесплатных библиотек, музеев, художественных галерей и других культурно-просветительных учреждений, призванных способствовать саморазвитию и самообеспечению.

Параллельно на окраинах государства появляются приходы как особые институты профессиональной системы помощи. С формированием приходов стала развиваться церковноприходская помощь.

Основные формы церковно-приходской системы помощи: милостыня, беспроцентное кредитование, материальная помощь в виде раздачи кружечного церковного сбора, просветительская деятельность.

Приходская благотворительность – переходное звено между монастырской и гражданской системами помощи. В отличие от монастырей с их закрытой организационной структурой приходы – открытая структура, или система помощи, руководителем прихода избирается «свой» церковной староста, то есть уважаемый человек из числа прихожан (в монастыре назначается епископской властью).

В задачи старосты входит приобретение земель, строительство богаделен, сбор долгов, церковной кружки, раздача денег нуждающимся. Староста был подотчетен общине, мог быть

ею переизбран. Старосты также приглашали в приход епископские суды для разбора сложных, по преимуществу нравственных дел. К ним относились «ропуст» (развод), «умычка невест», споры о наследстве, ссоры между мужем и женой, дела об отравительстве, об укушении при драке и многие другие. Таким образом, посредством публичной деятельности судов формировались новые христианские правила и нормы поведения в обществе.

Они отразились также и на отношении к вопросам оказания помощи в высших социальных слоях. В данный период появляются первые светские тенденции благотворительности, связанные с именами таких наших выдающихся соотечественников, как А. Ордин-Нащокин, Ф. Ртищев, У. Осорьина, прославившиеся своими благими деяниями в пользу ближнего.

Подводя итоги сказанному, отметим, что институт Церкви превращается в носителя не только новой государственной идеологии, но и новой философии помощи, основанной на христианских канонах милосердия.

Зарождение государственных подходов к организации системы помощи

В начале XVII в. происходит становление государственного призрения, что непосредственно связано с развитием приказного управления, которое проходило в условиях наличия острых социальных проблем.

В самом начале XVII в. Россия пережила тяжелейший трехлетний голод, в ходе которого сложились предпосылки для наступления одного из самых сложных периодов отечественной истории – Смутного времени, характеризовавшегося нестабильностью государственной власти, боярскими заговорами, интригами, предательством, кровопролитными крестьянскими восстаниями, наличием иностранной интервенции и отсутствием в стране какой-либо стабильности и определенности.

Многолетние войны, которые в XVII в. Россия вела с Польшей, Швецией, походы русской армии в Крым оставляли значительное число раненых солдат, нуждавшихся в призернии. Также остро стоял вопрос возвращения пленных, захват которых осуществлялся не только во время войн, но и в мирное время, на Родину.

Весьма важной проблемой была борьба с последствиями неурожаев, приводившими порой к массовому голоду и смертности. Не менее значимым являлось и противостояние многочисленным болезням и эпидемиям, уносившим жизни немало числа людей. Безотлагательного внимания требовала также проблема нищенства в России, число представителей которого значительно увеличивалось с каждым годом. Несомненного участия ожидали вдовы, сироты, погорельцы и другие социально уязвимые слои населения страны.

Наличие столь широкого круга социальных проблем имело место и в предыдущие столетия. Однако их государственное решение стало возможным только в начале XVII в., что было напрямую связано с расцветом таких государственных структур управления, как приказы, которые имели организационные, материально-технические, финансовые и иные возможности для оказания социальной помощи различным слоям населения Московского государства.

Само слово «приказ» происходило от глагола «приказывать», то есть поручать. Как учреждение приказ возникал тогда, когда исполнение отдельных дел превращалось в каждодневную потребность. Приказы являлись главными государственными органами исполнительной власти. В XVII в. существовало более 80 различных приказов. Однако одновременно действовало только 40–50 из них. Деятельность остальных приказов была временной и ситуативной.

Государственное призрение не было сосредоточено в каком-то одном приказе, а находилось в разное время в ведении нескольких таких учреждений, среди которых наибольшее

значение в данной сфере имели Патриарший Казенный, Аптекарский, Тайных дел, Большого Дворца и Полоняничный приказы.

Ведущую роль в определении форм приказного призрения играл государь, который также и сам участвовал в деле оказания помощи, раздавая милостыню по тюрьмам и богадельням. Однако практика социальной помощи многих приказов была столь обширна, а число одновременно действующих приказов, в которых ежедневно решались десятки дел, было столь значительным, что царь просто физически не мог участвовать в решении всех вопросов, представляя тем самым некоторую часть своих полномочий приказным служащим. В связи с этим призрение в XVII в. принимало характер государственной помощи, а не благотворительной деятельности царя.

Одним из первых приказов, которому, по словам А. Д. Стога, П. И. Лыкошина и Е. Д. Максимова, государством было поручено дело призрения, стал Патриарший приказ. Данный приказ по сути своей являлся церковным органом власти. Однако отдельные направления его социальной деятельности определялись непосредственно государством, которое в лице его царствующих особ передавало этому учреждению некоторую часть государственных функций.

Социальную деятельность Патриаршего приказа можно условно разделить на четыре основных направления: 1) выдача милостыни; 2) организация кормлений; 3) постоянное содержание различных категорий нищих и 4) строительство богаделен.

Выплата милостыни являлась наиболее распространенной формой призрения нуждающихся, к которой в XVII в. прибегали все московские патриархи, совершая частые денежные раздачи во время своих многочисленных выходов и выездов. Получателями данной милостыни были различные группы нищих, заключенные, вдовы, дети и представители низшей ступени духовенства. Размер патриаршей милостыни был относительно небольшим и составлял в среднем 2 деньги на человека. Общая же сумма единовременной раздачи варьировалась обычно от 4 до 16 алтын. Следовательно, можно предположить, что в раздаче участвовали одновременно от 12 до 48 человек. Хотя иногда случались и довольно-таки крупные выдачи милостыни, одновременное число получателей которой составляли более 2 тыс. человек.

За счет средств Патриаршего приказа нередко организовывались и кормления нищих, которые проходили как во дворце патриарха, так и на патриаршем дворе. Часто после еды нищие получали еще и милостыню, которую иногда раздавал даже сам патриарх. Такую милостыню обычно называли «ручной».

Помимо эпизодических кормлений и выплат милостыни из Патриаршего приказа выделялись деньги и на постоянное круглогодичное содержание нищих. Так, в 1678 г. по указу царя Федора Алексеевича 412 нищих обоего пола из Моисеевской, Покровской, Петровской и Кулишской московских богаделен были переданы из приказа Большого Дворца в ведомство Патриаршего дома. На их содержание из Патриаршего Казенного приказа ежемесячно выделялись деньги из расчета 2 деньги в день на каждого нищего.

Среди расходов Патриаршего Казенного приказа на призрение отдельно выделяются также и выплаты, шедшие на строительство богоугодных заведений, которое условно можно разделить на два основных направления: установка келий у приходских церквей и строительство новых богаделен.

Возведение келий у приходских церквей было продиктовано ничем иным, как стремлением властей упорядочить проживание нищих, селившихся в XVII в. в многочисленных избушках, клетушках и сараюшках, которые были беспорядочно разбросаны по всей Москве и другим крупным городам Московского государства. Описанная выше мера нашла свое законодательное отражение в указе патриарха Иоакима от 28 июня 1678 г., в котором предписывалось нищим, стихийно проживавшим на улицах, переезжать на территорию приходских церквей и обосновываться там в небольших строениях, на возведение которых выделялось из бюджета приказа по 1 рублю на человека.

Другим направлением строительства стало сооружение богаделен, которые возводились, как правило, на месте или рядом с уже существующими такими заведениями. Так были построены Петровские, Покровские, Кулишские и многие другие богадельни, являвшиеся в то время прототипом современных социальных служб.

Деятельность Аптекарского приказа в области государственного призрения не имела общей направленности, как у Патриаршего Казенного приказа, а была связана, главным образом, со спецификой приказной деятельности данного государственного учреждения, которая заключалась первоначально в сохранении жизни и здоровья царского дома, а в дальнейшем – и более широких слоев населения Московского государства.

С функционированием Аптекарского приказа было связано введение государственного медицинского управления, начало отечественного медицинского образования и появление первых русских врачей, открытие первой публичной аптеки и централизованное обеспечение страны лекарствами, усиление противоэпидемических мер и многое другое. Все это являлось неразрывной частью государственного призрения и имело огромное значение для всей страны.

В начале 30-х годов XVII столетия в Российском государстве началась подготовка медицинского персонала из представителей русского населения. Обучаться медицине изъявили желание, в первую очередь, дети стрельцов и сами стрельцы, а также дети иноземных лекарей, находившихся на службе в России. В 1654 г. в России была открыта первая лекарская школа, рассчитанная на трехлетний срок обучения, где, помимо занятий в школе, лекарские ученики должны были участвовать в сборах целебных трав и работать помощниками лекарей.

Освободившиеся после войны врачи могли заняться частной практикой, которая со временем стала пользоваться большой популярностью даже у таких консервативных слоев населения того времени, как женщины и священники.

Когда же челобитных с просьбами о выдаче лекарств стало слишком много, царем Алексеем Михайловичем был издан указ от 20 марта 1672 г. об учреждении на Гостинном дворе Новой аптеки для продажи «всяких лекарств всяких чинов людям». Это была первая в России публичная (в современном понимании) аптека. Для продажи лекарств были установлены верхние границы цен, которые фиксировались в «Уставной книге». Работа аптеки четко регламентировалась, а для аптекарей устанавливалась жесткая дисциплина, к примеру, опоздание или неявка на службу грозили вычетом из жалованья.

Высокий уровень обслуживания и относительная доступность цен сделали Новую аптеку весьма популярной среди зажиточных слоев московского населения. Для простого народа лекарства из аптеки и тем более услуги медиков по-прежнему оставались недоступными. В борьбе со многими болезнями крестьяне прибегали к таким излюбленным средствам, как посещение бани или употребление горячительных напитков.

Большого внимания заслуживают действия Аптекарского приказа в борьбе с моровыми поветриями. В целях предотвращения распространения эпидемий под руководством Аптекарского приказа на дорогах и в городах устраивались заставы и засеки, через которые под страхом смерти не пропускали людей из других местностей. Погребение умерших проходило вдали от жилых мест и питьевых вод. А в тяжкие чумные 1654–1655 гг. изоляции подвергались даже отдельные зараженные дворы, они запирались снаружи и к ним приставляли стрельцов, чтобы инфекция не распространялась по городу. Все эти меры, несмотря на их строгость, были необходимыми и полезными для того времени, так как случалось, что от моровых поветрий люди вымирали целыми селениями.

Приказ Тайных дел по своему названию и специфике отраслевой деятельности был далек от государственного призрения, но на практике имел самое тесное и непосредственное к нему отношение. Он осуществлял надзор за деятельностью Аптекарского двора. Аптекарский двор являлся многофункциональным хозяйственным учреждением и имел на своей территории несколько зданий, в числе которых были различные амбары, избы для жилья, хлебная палата,

пивоварня, кухня, кузница и специально построенная палата для кормления людей разных чинов. По описанию И. Е. Забелина, ее длина составляла 10 сажений по Шуйскому переулку, а ширина – 7 сажений. Внутри палаты было установлено 30 столов и 60 скамей. В дневное время помещение освещалось через 14 больших окон, а в холодную погоду отапливалось посредством каменной печи.

В этой палате регулярно проходили кормления нищих, а также раненых и вернувшихся из плена солдат. Одновременное число участников трапезы доходило нередко до 300 человек, а общая сумма накормленных за один день составляла иногда, по словам И. Я. Гурлянда, 2 тыс. человек. Кормления часто сопровождались раздачей милостыни, размер которой не был постоянным и зависел от различных обстоятельств. Так, например, в обычные дни милостыня составляла примерно 1–2 алтына, в дни же праздников и во время поминовения членов царской семьи ее размер доходил до 1 рубля.

Помимо Аптекарского двора, в ведении приказа Тайных дел находились также и нищие, проживавшие во дворце царя Алексея Михайловича. Это были так называемые «верховые богомольцы», или «верховые нищие», занимавшие в то время самую высокую ступень в иерархии многочисленной нищенской братии. Живя во дворце царя, верховые богомольцы являлись как бы символом царской доброты и милосердия. Они регулярно молились за здоровье государя и его семьи и считались образцом благочестия. Многие из них провели жизнь в странствиях и скитаниях и поэтому были чрезвычайно интересными собеседниками для царя. Алексей Михайлович очень любил разговаривать с ними и слушать их рассказы.

Верховые нищие находились на полном государственном обеспечении. Из приказа Тайных дел регулярно выделялись деньги на покупку для них различной одежды и обуви, которая регулярно обновлялась, не изнашиваясь до дыр. Помимо этого верховые богомольцы обеспечивались за государственный счет столовыми приборами, полотенцами, гребнями для расчесывания волос и постельным бельем. Верховые нищие получали также и годовое царское жалованье. Его размер не был четко фиксированным и составлял примерно 3–5 рублей в год. Для сравнения отметим, что годовое жалованье подъячего приказа Тайных дел составляло 4 рубля в год. Помимо этого на верховых нищих часто распространялись и единовременные раздачи милостыни, приуроченные, как правило, либо к какому-нибудь празднику, либо ко дню поминовения кого-либо из усопших членов царской семьи. Размер таких выплат также был произвольным и колебался от 1 деньги до нескольких рублей.

Объектом различных социальных выплат приказа Тайных дел являлись нищие, заключенные, раненые и вернувшиеся из плена солдаты, вдовы, дети-сироты, собственные служащие и другие категории населения, обращавшиеся в данный приказ за помощью.

Размер социальной помощи находился, как правило, в прямой зависимости от социального статуса ее получателя, который мог определяться как должностью, на которой он находился, так и величиной его поместного оклада. Причем, заметим, что такая практика была свойственна и другим приказам. В связи с этим распределение социальной помощи в XVII в. осуществлялось по определенному государством устойчивому принципу, в соответствии с которым преимущественное право на получение социальной помощи и ее наибольшую величину имели те категории населения, которые составляли опору для существовавшего государственного строя.

Приказ Большого Дворца имел статус дворцового приказа. Некоторая часть его доходов шла на оказание социальной помощи отдельным категориям населения, которая заключалась в выплате милостыни, содержании определенной части московских богаделен и в организации деятельности Аптекарского двора, находившегося с 1676 г. в юрисдикции данного приказа.

В ведении Полоняничного приказа находился выкуп пленных и специальный денежный налог – «полоняничные деньги», собираемый со всего Московского государства. Однако государственная организация возвращения пленных из неволи имела свое место и до учреждения

специального Полоняничного приказа, функции которого в то время выполняли приказ Большого Прихода (до 1649 г.) и Посольский приказ (с 1649 по 1668 г.).

Интересно, что делом государственного призрения занимались также и некоторые другие приказы. Так, к примеру, Печатный и Поместный приказы наряду с основной своей деятельностью осуществляли также и призрение нуждающихся слоев населения, основные формы которого носили как традиционный, так и узкоспециализированный характер. Само же оказание помощи становилось возможным благодаря наличию в приказах свободных денежных средств, поступавших в доходы этих учреждений, расходование которых определялось как указами царей, так и решениями приказного начальства.

Таким образом, в заключение можно отметить, что оказанием социальной помощи и поддержки населению занимались не только известные в этом контексте Патриарший, Аптекарский, Тайных дел, Большого Дворца и Полоняничный приказы, но и другие государственные структуры исполнительной власти.

Развитие нормативно-правовой поддержки, социальной помощи и взаимопомощи в конфессиональной парадигме

В нашей стране еще в Древнерусский период истории Церковь приобретает большой вес сразу после принятия христианства. В 996 г. при князе Владимире был принят Церковный устав, составленный им же, в котором определялось, что забота о призрении бедных, немощных, больных и странствующих и других нуждающихся вменялась в обязанности духовенству. Источником материальных и финансовых средств служила десятина – десятая часть поступлений от хлеба, скота, торговой деятельности, судебных пошлин и т. д. На эти средства монастыри содержали странноприимные дома (приюты для странников), богадельни, больницы и школы, так как грамоте учили детей монахи (первоначально преимущественно «греческие», то есть византийские, они же выступали в роли врачей, передавая русскому монашеству знания и опыт западного и отчасти восточного мира).

В Церковном уставе X в., как и в последующих дополнениях, указывалось, что Церковь разбирает семейные дела и разрешает конфликты, наказывает за неверность жен и мужей, следит за соблюдением прав сирот и вдов, а также соблюдает жизнь прихожан в чистоте духовной. Церковь же следила за правильностью торговых отношений. По Уставу в алтаре церкви хранились эталонные меры веса, длины, объема, они могли быть востребованы в спорных случаях.

В XI в. при Ярославе Мудром произошла первая кодификация русского права, был сформирован документ «Русская Правда». Существует несколько его редакций (списков), которые, вероятно, представляют сборник норм, созданных в разных местах, в разное время. По мнению русского историка Н. И. Костомарова, невозможно точно определить, в какие годы и в каких регионах были установлены законоположения, собранные в этом своде законов. Ученые признают принадлежность времени Ярослава первых 17 статей этого сборника, остальные могли быть написаны при сыновьях и внуках Ярослава, о чем прямо говорится в самих статьях. И хотя главным предметом здесь были случаи обид и вреда, наносимых одними лицами другим, включая формы ответственности за убийство, кражу или побои, существовало 8 статей, в которых зафиксированы положения, охраняющие некоторые категории населения – женщин-вдов, младших детей, детей-сирот. Это в основном законы о наследовании имущества, в которых защищались права указанных групп.

Вместе с новыми законами о наследстве были введены новые законы об опекунов: опека над малолетними детьми и их имуществом назначалась только в том случае, если у них не было в живых ни отца, ни матери, или когда мать их второй раз выходила замуж. В последнем случае опекунами назначались или родственники мужа, или второй муж матери. Если же она не вступала во второй брак, то относительно своих детей пользовалась всеми правами покойного

мужа, становилась главой семейства. Впрочем, эти узаконения касались довольно ограниченного круга лиц.

«Русская Правда» явилась первым сводом законов, включающим в себя элементы социальной защиты некоторых слоев населения. Эта первая попытка составления русского свода законов определила все дальнейшее законотворчество на Руси. Последующие своды законов во многом строились по образу и подобию «Русской Правды», так что в русской юридической практике с самого начала прочно утверждались основы социальной политики. Они развивались в таких документах эпохи, как Романовский проект 1203 г., Двинская грамота 1397 г., Новгородская судная грамота 1456 г., Псковская судная грамота 1462 г.

С переходом от княжеского устройства государственной власти к сословной монархии, который начался в конце XV в., стали меняться и нормы социального права. Судебник Ивана III (1497) носит переходный характер. Он не изменил идеологических и теоретических основ государственной власти (действовали нормы «Русской Правды»), но в нем предусматривалось более активное участие государства в социальной поддержке населения (сбор запасов хлеба на государевых житных дворах на случай неурожая). Новые законодательные положения были внесены в социальную политику только в середине XVI в.

Таким образом, развитие нормативно-правовой базы конфессиональной социальной помощи проходило в Древней Руси после принятия христианства как государственной религии так же, как и в странах Западной и Восточной Европы, в Византии. Вся социальная помощь Средневековья в странах европейского мира предопределялась христианскими нормами. Они определяли не только содержание, но и формы помощи нуждающимся, основные категории населения, имевшие приоритетное право на помощь. Долгое время они же определяли содержание и форму социальной политики государства. Кроме того, нормативно-правовые документы дополняли деятельность Церкви по непосредственной социальной помощи, оказываемой специализированными орденами, сестричествами, братствами, религиозными союзами и движениями. Однако в нашей стране такие религиозные движения получили распространение значительно позже, в XIX – начале XX в.

Темы для обсуждения на семинарских занятиях

1. Основные тенденции княжеского попечительства в Средние века. В чем историческое значение княжеского попечительства в данный период?
2. Суть спора «стяжателей» и «нестяжателей».
3. Подходы в монастырской и приходской системе помощи, появляющиеся в городской культуре средневековой Руси.

Темы для докладов и рефератов

1. Подходы отечественных исследователей к княжескому нищепитательству.
2. Изгои Древней Руси и отношение к ним власти и населения.
3. Отражение идеологии милосердия в памятниках древнерусской литературы.
4. Ктиторийские (вотчинные) монастыри (церковные приходы) как обители милосердия и воспитания.

Список литературы

1. Семин О. В. Становление и развитие государственного призрения в России в XVII веке: Монография. Изд. 2-е, доп. и перераб. М.: Альт Пикчерз, 2008.

2. *Сток А. Д.* О общественном призрении в России. Т.1. СПб., 1818.
3. *Фирсов М. В.* История социальной работы: уч. пос. для высшей школы. М.: Академический проект, Трикста, 2008.

Тема 1.4. Государственные подходы к организации общественного призрения

Аннотация. В данной теме модуля отражены сложные противоречивые тенденции становления и развития государственных подходов к организации социальной помощи и поддержки в России в период правления Петра I, Екатерины II, Павла I, Александра I и Николая I.

Цель. Выявить основные тенденции развития и модернизации системы помощи нуждающимся в контексте обеспечения внутренней стабильности и безопасности государства.

Модернизацию социальной системы помощи в России справедливо связывать с именем Петра Великого. Петр Алексеевич Романов (1672–1725) царем стал в возрасте 10 лет – в 1682 г., императором – с 1721 г.

За время своего царствования Петр I по разным оценкам издал свыше 70 указов, так или иначе касающихся вопросов призрения. Условно их можно разделить на следующие группы: 1) меры по призрению людей, лишенных средств к жизни; 2) призрение военнослужащих; 3) меры против нищих – промышленников; 4) призрение «засорных» (незаконнорожденных) младенцев; 5) меры для увеличения средств общественного призрения.

Мероприятия по призрению людей, не имеющих средств к жизни

Первая группа Петровских указов касалась поддержки нуждающихся из числа увечных, вдов, недорослей и пожилых. Так, в декабре 1700 г. Петр I распорядился старых, увечных, старых вдов и недорослей обеспечить кормовыми. В отношении недорослей – это аналог современного ежемесячного пособия по потере кормильца, в отношении остальных категорий – пособие по старости для иждивенцев. Оно было мизерным: три рубля в год на человека. На эти деньги можно было купить 365 кусков хлеба – по одному на день – или корову. Тем не менее это была реальная помощь, благодаря которой человек получал возможность выжить, не умереть с голоду.

24 января 1701 г. Монастырский приказ стал органом контроля и надзора. Ему было вменено в обязанность контролировать доходы монастырских вотчин и хозяйств, организовывать школы и надзирать за богадельнями. Возглавил приказ И. А. Мусин-Пушкин.

Самый важный для понимания современной социальной работы, ее исторических истоков – *Именной Указ № 1856 от 8 июня 1701 г.* Согласно ему предписывалось больных нищих определять в богадельни и выделить для ухода за ними одного здорового на десять человек. «Кормовые», то есть жалованье за работу в этих казенных заведениях, равно как и деньги на содержание призреваемых, покупку лекарств и кормовые, лекарям отпускались из патриаршей домово́й казны.

Таким образом, было положено начало профессионализации социальной работы. Именно поэтому 8 июня 2001 г. В. В. Путин, бывший в этот период Президентом РФ, подписал Указ о праздновании Дня социального работника именно в этот день.

Выходили указы Петра I (1712, 1721, 1723, 1724 гг.) о построении богаделен, необходимости проводить в них проверки, о ревизии по монастырям хлеба и денежных доходов, чтобы определить, где сколько следует содержать нищих, сирот и монахов и сколько средств можно выделить на содержание училищ. В предсмертных указах Петра I утверждается право на пособие от правительства всем нуждающимся.

Благодаря принятым мерам к концу 1724 г. в России насчитывалось более 90 богаделен, в которых призревало свыше трех тысяч человек. Безусловно, для такой огромной страны, как Россия, это была капля в море. Тем не менее важно отметить, что работа государства по приращению социальных учреждений стационарного типа более не прерывалась.

Поддержка военных инвалидов

Термин «инвалид» происходит от латинского «validus» – годный, способный на что-либо, сильный, крепкий и частицы отрицания «in». Первое упоминание термина «инвалид» в русском языке отмечается в письмах и бумагах Петра II (1715–1730). Вероятнее всего, слово «invalide» было заимствовано из французского языка, где его первое упоминание отмечалось в 1549 г. Это слово мы находим в законодательных актах. Скорее всего, необходимость применения обобщающего термина для использования его в юридической практике отсутствует до тех пор, пока проблема не носит массового характера.

В XVIII в. «инвалид» означало отставного военного, непригодного к воинской службе и используемого в составе особых команд или находящегося на государственной пенсии. Термином «военный инвалид» называли военнослужащих (преимущественно нижних чинов), сделавшихся неспособными к службе из-за ранений, увечий, болезней или дряхлости. Вопрос о призрении получивших увечье в армии имел огромное значение только в период, когда служба в армии была длительной, и солдат практически полностью терял связь со своим сословием. С переходом на всеобщую воинскую повинность необходимость призрения утратилась, так как сроки службы стали менее продолжительными, следовательно, связь с семьей и со своим сословием сохранялась. В связи с этим в обязанности государства может входить призрение только тех военнослужащих, которые потеряли способность к труду при исполнении обязанностей военной службы (неважно, в мирное или военное время).

Особое внимание в указах Петра I уделялось призрению военнослужащих. Они пользовались приоритетным правом при поступлении в богадельни, их содержали в гарнизонах на казенный счет в губерниях, где они обучали военному искусству рекрутов.

Можно констатировать появление и развитие нового направления отдачи за ратные подвиги заслуженным героям Отечества – оказание им специализированной медицинской помощи. С этой целью в 1706 г. был построен госпиталь в Лефортово и при нем – Медико-хирургическая академия. Ныне это знаменитый Госпиталь им. Бурденко.

В 1717 г. было определено к производству половинное жалованье бедным штаб – и обер-офицерам до открытия вакансий в полках (прообраз современной пенсии). В Указах 1717 и 1720 гг. предусматривалось отсылать не имеющих пропитания отставных военных чинов в монастыри и указывалось о производстве им жалованья из монастырских доходов.

В 1723 г. специальным Указом Петра I предписывалось переписать, сколько находится в мужских монастырях монахов, а в женских – монахинь, и со времени этого указа никого не постригать, а на освободившиеся места определять отставных солдат.

Согласно Указу от 8 марта 1723 г., отставные солдаты и драгуны должны были довольствоваться в монастырях хлебным и денежным жалованьем.

Меры против нищих-промышленников

Безразборчивая раздача милостыни привела к тому, что в России сформировался отряд профессиональных нищих, так называемых нищих-промышленников. Объединившись в крупные преступные кланы, промышленывшие грабежом, кражей и калечением детей для увеличения сбора милостыни, а затем и открытым разбоем, они стали представлять угрозу внутренней безопасности государства. Легкость, по сравнению с тяжким крестьянским трудом, нищенского

промысла способствовала тому, что целые деревни срывались по окончании полевых работ с насиженных мест и шли «в кусочки», то есть попрошайничать. Необходимо было принимать меры против нищих-промышленников на государственном уровне.

В 1703 г. по Указу Петра I в Москве было предусмотрено строительство работного дома для здоровых нищих, чтобы они могли зарабатывать себе рукоделиями на пропитание.

21 января 1712 г. Петр I издал Указ, в котором было повелено нищих обоего пола, бродящих в Москве по миру, ловить и приводить в Монастырский приказ. Отсюда тех, кто уже расписан по богадельням и монастырям, отправлять по месту приписания после наказания, а незаписанных – в те места, откуда пришли, «ученя жестокое наказание».

В 1718 г. последовало сразу три указа: 25 февраля вышел Указ «Ловить бродяг и отдавать их в работу»; в Указе от 20 июня – заставлять всех трудиться и пресечь здоровым нищим все возможные способы к существованию без труда; 25 февраля был провозглашен запрет на частную благотворительность. Согласно последнему Указу, запрещалось подавать милостыню частному лицу (предписывалось жертвовать в богадельни). С виновного в раздаче милостыни взимался штраф в первый раз в размере пяти, во второй – в размере десяти рублей. Планировалось назначать для этой цели из Московского гарнизона нарочных поимщиков «из каких чинов пристало».

Указом от 20 июня 1718 г. предусматривалось усугубление мер взыскания со здоровых нищих и наложение штрафа на тех лиц, в чьем ведении находились бродяги. В частности, бродяг, пойманных впервые, полагалось бить нещадно батожем и отсылать по месту жительства. Попавшихся во второй или третий раз – бить на площади кнутом и отсылать в каторжные работы, а баб – в шпингаузы (прядельные дома). Ребят же, избив батогами, предписывалось посылать на суконный двор и прочие мануфактуры.

Помещики, вотчинники, прочие хозяева обязывались собирать для своих бедных на хлеб и одежду с обывателей собственных сел и деревень. Если они допускали бродяжничество своих людей, с них за неусмотрение взимался штраф по пять рублей за каждого человека. В 1719 г. была создана специальная фискальная служба, которая следила, не находятся ли в губернии или провинции «какие беглые гулящие подозрительные люди».

9 июля и 10 декабря того же 1719 г. вышли Указы, требующие строго выполнять все принятые ранее документы по пресечению деятельности нищих-промышленников.

Поддержка «засорных» младенцев

Петр I первым из российских самодержцев обратил внимание на судьбу «засорных» младенцев.

Христианские нормы женской нравственности предписывали женщине очень строгие правила поведения, за нарушение которых ее жестоко наказывали. Так, до 1637 г. женщин, в том числе беременных, беспощадно казнили, и это было закреплено законодательно. Например, в Уложении царя Алексея Михайловича (отца Петра I) жену, покусившуюся на смерть супруга, полагалось заживо закопать в землю, даже невзирая на протесты детей и родни мужа, и держать ее так, пока не умрет. Уличенную в измене жену водили по деревне голой, публично пороли, а затем привязывали за волосы к церковной двери, и каждый входящий был обязан порицать ее поведение, в том числе в виде физического воздействия. Особенно тяжело было родившим без мужа и незаконнорожденным младенцам. Такие дети всю жизнь носили на себе клеймо позора.

Впервые в России судьбой несчастнорожденных младенцев озаботился Новгородский митрополит Иов: он в 1706 г. построил на митрополичий счет сиротский приют для подкидышей и сирот. Ознакомившись с этим опытом социальной поддержки младенцев, в январе 1712

года Петр I повелел устроить возле церковной ограды сиротские дома для детей, остающихся без родительского призрения.

Первый же официальный Закон о «засорных» младенцах появился 4 ноября 1714 г. В нем повелевается «для засорных младенцев, коих жены и девки рожают незаконно, при церквях, где пристойно, сделать госпитали, в Москве мазанки, а в других городах деревянные, и для сохранения избрать искусных жен и давать им из неокладных прибыльных доходов на год денег по три рубля, хлеба по полуосмине на месяц, а младенцам по три деньги на день».

Ровно через год выходит новый указ, в котором Петр проявляет заботу о личности роженниц, которые из-за боязни быть узванными и преданными позору не осмеливались пристроить свои чада в казенный дом. Петр поэтому требует устроить в госпиталях тайное окно, через которое можно класть ребенка, оставаясь при этом неузнанной. Указывалось, что виновные в умерщвлении незаконных младенцев должны караться смертью.

В подтверждение этого закона в 1719 г. состоялась публичная казнь фрейлины Гамильтон за умерщвление двоих незаконно прижитых детей.

По сведениям, сообщаемым историком В. И. Соловьевым, в Московской губернии в 1719 г. в результате указанных мер были собраны в госпитали 60 незаконных младенцев. При них находились 45 кормилиц. Число младенцев возрастало из года в год.

В Москве согласно Указу от 1 февраля 1720 г. о строении госпиталей для незаконнорожденных младенцев, о выдаче им и кормилицам их денежного жалованья дети воспитывались до известного возраста, после чего девочек помещали кому-нибудь в услужение и, конечно, если предоставлялся случай, выдавали замуж, мальчиков же отдавали в учение мастерам. Если впоследствии они подвергались болезням или увечьям или впадали в помешательство, то могли возвращаться в эти приюты как в родительские дома.

В 1724 г. в одной московской губернской канцелярии были 865 младенцев от полутора до восьми лет. На их содержание было издержано по 5 рублей 15 копеек и 5 денег в год на человека. При них состояли 218 кормилиц. В качестве учительниц в школах и сиротских домах были поставлены 6 монахинь. Позже им повелевается обучать достигших пятилетнего возраста арифметике и геометрии. Они же являются няньками для малышей, причем одна монахиня определяется смотреть за каждым двумя годовалыми ребятами или за тремя трехлетними, или, наконец, за четверыми пятилетними.

Канцелярия доносила, что кормилицы и младенцы живут по разным местам потому, что не построено необходимое количество госпиталей.

Наиболее существенным является то, что призрению незаконнорожденных детей был придан государственный статус.

Меры по увеличению средств на призрение

Меры, вводимые Петром I для увеличения средств общественного призрения, были разнообразными. Как указывает в своем сочинении П. Лыкошин, к концу XVII в. монахи не только перестали сами работать и тем кормиться и помогать обездоленным, но уже и сами «чужие труды поедают», то есть монастыри уклонились от своего первоначального служения на пользу неимущей братии. Церковь в это время владела почти двумя третями всех земель, громадными капиталами, накопленными за несколько веков, и десятками тысяч крестьянских душ.

Петр I издает указ, согласно которому запрещается церквям владеть вотчинными и другими угодьями, предписывается всем монашествующим выделять на содержание только по десять рублей в год, по десять четвертей хлеба и потребное количество дров, доходы от монастырей и вотчин собирать и отсылать в Монастырский приказ. Остаток же хлеба и денег от раздачи монахам давать на прокорм нищим, но не посредством милостыни, а путем отсылки

его по богадельням. Доходы церкви, естественно, вследствие этих мер истощались, а число нищих из-за непрекращающихся войн возрастало.

Необходимо было изыскать новые источники доходов на призрение. В связи с этим Петр делает следующие распоряжения: о сборе венечных денег за венечные памяти со всех вступающих в брак вдвое против прежнего; воспрещении вольной продажи восковых свечей и о предоставлении оной только церквам для приобщения прибыли от этой продажи к церковному имению; вычете из жалованья у всяких чинов, кроме солдат, по одной копейке с рубля на содержание госпиталей; вводе в монастырях обучения монахинь рукоделиям и ремеслам и об обращении вырученных за эту работу денег на общую монастырскую пользу, «а не собственные свои потребности»; сборе добродетельных подаваний во время священнослужения в два кошелька, из которых один предназначен был на покупку церковных нужд, а другой на госпиталь; употреблении на богоугодные дела денег, собираемых в штраф с раскольников.

Данные указы в основном вышли в 1714 г. В том числе Указ от 27 мая 1715 г. о благотворительных сборах на госпитали. 100 рублей – с лиц, которые из приказных людей будут пожалованы в дьяки; 2-процентный сбор с подъемных, прогонных сумм и сумм, выдававшихся на пропитание священникам и причетникам, посылаемым в новозавоеванные города; однопроцентный сбор с жалованья, выдаваемого всем служащим, кроме солдат; отчисления от торга домов, пожитков, оставшихся от беглых раскольников; от продажи церковных свечей; штрафные деньги.

Перечисленные меры отражены в указах, следовавших один за другим с 28 февраля 1721 г. по 29 июля 1723 г.

В качестве лучшего метода борьбы с нищенством первый российский монарх избирал превентивные меры, стремился к урегулированию частной благотворительности, *отдал решение вопросов призрения органам государственной власти*, изыскивал возможности материального обеспечения принятых указаний. Безусловно, к другим заслугам Петра I в области призрения относятся такие факты, как создание специализированных военных госпиталей; выход именного указа о запрещении продавать дворовых отдельно от семьи; указ об описи лишнего хлеба у всех чинов и раздаче его в случае голода неимущим в долг; стремление обустроить все благотворительные заведения так, чтобы «оное исправить без отягчения народного».

Таким образом, меры Петра I по общественному призрению представляли собой не разрозненные и не связанные между собой попытки, а цельную последовательную систему с рядом важных официально-правовых элементов, что незамедлительно сказалось на количественном и качественном уровнях оказания помощи нуждающимся. Так, по данным П. И. Лыкошина, в конце XVII в. только в Москве было 8–9 домов призрения, содержащихся на государственный счет. В них призревались 410 человек. В 1718 г. их в одной Москве насчитывалось уже 90. Число штатных призреваемых доходит до 4 тыс. человек, на жалованье им расходуется государством до 12 тыс. рублей ежегодно; кроме того, без жалованья призреваются 207 человек. Однако даже при Петре I в провинции за 100 лет было сделано очень мало для организации призрения.

Общественное призрение в период правления императрицы Екатерины II

После смерти Петра I ярких событий в области развития и становления новых форм помощи не было. Последовавшие за ним правители в основном повторяли узаконения Петра I. В частности, при Екатерине I выходили указы об обязательном призрении в монастырях старцев (Указ от 9 декабря 1725 г.), о приискании особых домов для приема и призрения незаконнорожденных (Указ от 3 марта 1726 г.), о выдаче паспортов незаконнорожденным девкам и немедленной отсылке их из приютов в услужение, на мануфактуры или замуж в целях эконо-

мии казенных средств (Указ от 25 июня 1725 г.), об отдаче нищих-промышленников в солдаты (Указ от 21 июля 1730 г.) и др.

Ситуация существенно изменилась, когда на престол в 1762 г. взошла Екатерина II, урожденная Софья Фредерика Августа, немецкая княжна из рода Анхальт-Цербстских (1729–1796). Как реальный политик своего времени, Екатерина II считала, что ее действия должны быть направлены на упрочение положения, прав и привилегий дворянства и решение крестьянского вопроса полицейскими мерами.

В мировом пространстве в это время усиленными темпами развивается капитализм. В нашем Отечестве новые производственные формы практически не развивались, поскольку в результате Жалованной грамоты дворянству (1785) произошло законодательное укрепление крепостного права. Вследствие этого возникла объективная необходимость иметь в России так называемый «третий чин», который, в отличие от дворян и крестьян, получал бы право организации нового производства. Дворянам в данный исторический период работать было не по чину, а крестьяне считались тупым и неспособным к самостоятельной творческой работе быдлом. Кроме того, они были лишены права покупать земли и вообще владеть какой-либо собственностью.

Идея формирования «третьего чина» посредством воспитания безродных младенцев в закрытых учебных заведениях принадлежала И. И. Бецкому, которого Екатерина II сделала своим личным секретарем.

В широкой программе преобразований, проводимых правительством Екатерины II, важное место отводилось смягчению нравов русского общества путем воспитания его членов в духе просвещения и гуманного отношения друг к другу. Екатерина Алексеевна ставила целью исправить сердца и нравы своего народа через воспитание, которое считала источником человеческого благополучия. В русле этих идей И. И. Бецкой предложил провести реформу образования в России. В Генеральном учреждении о воспитании обоего пола юношества в 1764 г. Бецкой впервые в России сформулировал само понятие воспитания, которое, по его словам, должно придать известное направление воле и сердцу, выработать характер, нравы и правила, искоренить предрассудки. Результатом такого воспитания становилось, по мысли Бецкого, создание новой породы людей, свободных от пороков окружающего мира. Для этого маленьких детей следовало изолировать от воздействия тлетворной среды, в частности семьи, в закрытых учебных заведениях, где и предполагалось выращивать совершенного человека.

И. И. Бецкой был убежден в необходимости мягкого, человеческого обращения с воспитанниками. Причинами человеческих пороков он называл окружающие ребенка с детства страх, насилие, а также безумных родителей и наставников. Основными принципами воспитания новой породы людей должны были, по мысли Бецкого, стать терпение и уважение к воспитанникам. «Если обходиться с ними как с рабами, воспитаем рабов», – писал он.

Согласно проектам И. И. Бецкого, разработанным в 60–70-е гг. XVIII в., в России должна была возникнуть сеть закрытых учебно-воспитательных учреждений, которая включала бы низшие и средние учебные заведения (пансионы) для дворян (благородного сословия), а для лиц третьего чина (мещан, купцов) – воспитательные дома, педагогические, художественные, медицинские, коммерческие и театральные училища.

Важную роль в процессе воспитания совершенных людей И. И. Бецкой отводил женщине. Ее умственное, духовное и нравственное развитие ставилось им во главу угла, когда речь заходила о недостатке просвещенных воспитателей для подрастающего поколения.

И. И. Бецкой считал необходимым, чтобы все девушки не только обучались писать и читать, но «имели бы разум, просвещенный различными знаниями, полезными для гражданской жизни». Только создание в закрытых учебных заведениях новых отцов и матерей, по мысли И. И. Бецкого, обеспечит серьезные сдвиги в развитии русского общества. Согласно его проектам, способные к наукам девушки должны направляться в университеты, а одарен-

ные в искусствах – в Академию художеств. Подобные идеи казались необычными российскому обществу XVIII в. и не могли быть полностью осуществлены тогда, однако заложить основу для дальнейшего развития женского образования в России Бецкому удалось.

5 мая 1764 г. императрица Екатерина II обнародовала Указ Правительствующему сенату, в котором было повелено учредить в Санкт-Петербурге Воспитательное общество для воспитания и обучения в нем до 200 благородных девиц. Над Уставом трудились лучшие мужи России: Я. Шаховской, Н. Панин, В. Миних, кн. С. Гагарин, гр. Г. Орлов, кн. А. Голицын. Опубликован он был под общей редакцией И. И. Бецкого в 1764 г.

Согласно Уставу, изначально предполагалось принять в казенное заведение 30 девочек в возрасте 5–6 лет и только благородного происхождения. Девочки содержались в Обществе до 18 лет. Они изучали следующие предметы: исполнение Закона Божьего и катехизис, «все части воспитания и благонравия», российский и иностранные языки, арифметику, танцевание, рисование, вокальную и инструментальную музыку, шитье и вязанье всякого рода, географию, историю, некоторые части экономики и домостроительства и «при сем привыкают к убиранию волос, одеванию и содержанию себя».

Согласно Указу императрицы от 13 января 1763 г., было учреждено «особливое училище» для воспитания малолетних девушек мещанского происхождения. Первоначальный набор составил 60 человек. Цель создания училища – «чтоб всякого чина и женский пол воспитан был в добронравии и приличных состоянию его знаниях и рукоделиях». В основном девочки мещанского училища готовились в служанки благородным девицам и в гувернантки в знатные дома.

При создании Московского воспитательного дома И. И. Бецкой руководствовался следующими гуманными и справедливыми соображениями: все бесприютные дети имеют право на попечение о себе со стороны государства; попечение о них должно быть не менее тщательным, чем попечение родителей о своих детях; воспитанные надлежащим образом, они становятся трудоспособными и полезными гражданами.

Цель Московского воспитательного дома – не только спасти всех незаконнорожденных детей и сделать их трудоспособными людьми, но и создать новую добродетельную породу людей, новых отцов и матерей. Главная же задача заведения – вырастить в России новое полезное сословие, третий чин, который бы явился опорой экономического и духовного прогресса страны, сосредоточивая в своих руках промышленность и торговлю и давая выдающихся людей в области науки и искусства.

Впервые в нашем Отечестве был четко определен социальный статус питомцев. Согласно Уставу, они и их потомки объявлялись вольными людьми. Питомцам и всему их потомству как свободным людям давалось право покупать дворы, лавки, землю под них, устраивать заводы и фабрики, вступать в купечество и т. д. Призрывать в доме предполагалось детей не старше пяти лет, обоого пола, законных и «засорных».

Большое внимание предполагалось уделять физическому воспитанию, которое включало в себя наличие воздуха и хорошей пищи. Детям полагался хлеб в любое время и любом количестве, а в качестве питья – квас и вода. На обед – щи, хорошее мясо, рыба свежая или просоленная, каши разные. Молочные продукты ставились в один ряд со сладостями и наряду с пирожными и яствами и предназначались в праздники, чтобы «дети с малолетства отличали праздники от будней».

Однако отсутствие карантинных и практики искусственного вскармливания младенцев привели сначала к удручающим последствиям: из набранных ко дню открытия Дома 524 младенца к концу года умерли... 424. И, несмотря на принимаемые различные меры, до конца столетия детская смертность в Доме составляла 98–99 %. Тем не менее, это было прогрессивное и своевременное предприятие.

В 1772 г. в Санкт-Петербурге был основан второй императорский Воспитательный дом.

7 ноября 1775 г. было опубликовано «Учреждение для управления губерний», согласно которому Россия была поделена на 50 (51) территориальных единиц (вместо 8 при Петре I). В соответствии с этим актом в каждой губернии учреждалось по одному приказу общественного призрения под председательством губернатора, назначаемого лично Екатериной II. Предполагаемое количество населения в каждой губернии – 300–400 человек. Приказы общественного призрения должны были охватить ту часть населения губернии, которая нуждалась в помощи.

В обязанность приказам вменялось во всех губерниях организовать народные школы, больницы, сиротские дома, аптеки, богадельни, дома для неизлечимых больных, дома для сумасшедших, дома работные, дома смирительные. Из доходов губерний разрешалось единожды, то есть один раз за всю историю существования приказа с момента его возникновения, предоставить на содержание приказа 15 тыс. рублей. Разрешалось эти деньги отдавать в заклад частным лицам под проценты (сроком на год), умножать капитал от частных взносов за счет доходов от аптек, ведения хозяйственных и имущественных операций (таких, как сдача внаем лавок, домов, кузниц, мельниц, садов, огородов, сенокосов, организация торфоразработок, лесопилок, открытие суконных фабрик и т. д.).

Не все приказы развивались одинаково: собственные капиталы Санкт-Петербургского приказа составляли 1 079 308 рублей, а Харьковского – 8747, хотя первоначальная сумма вклада была для всех приказов одинаковой – 15 тыс. рублей.

Тем не менее, с момента образования приказы общественного призрения вели самостоятельную коммерческую деятельность, которая поощрялась законом, предусматривающим, кроме частной инициативы, еще и поддержку со стороны казны в виде пособий, штрафов и т. д.

Благотворительная деятельность императрицы Марии Федоровны (1759–1828)

Супруга императора Павла I Мария Федоровна, урожденная София-Доротея-Августа-Луиза, принцесса Вюртемберг-Монбельярская, стала российской императрицей в возрасте 37 лет. 12 ноября 1796 г. Павел I именным указом назначил Марию Федоровну покровительницей Воспитательного общества благородных девиц взамен усопшей Екатерины Великой. Свою деятельность на новом поприще императрица начала с образовательных реформ. Суть их сводилась к подготовке женщины к роли хозяйки, жены и матери. Мария Федоровна сократила сроки пребывания девиц в Обществе и увеличила их число до 50 в каждом «возрасте». Впервые в истории Отечества Марией Федоровной был введен институт пансионеров, то есть платных воспитанниц. Оплата могла быть полная или частичная, могла вноситься как родственниками или опекунами пансионерки, так и частными благотворителями. Нередко среди последних были члены семьи Романовых. Пансионерки принимались сверх казенных воспитанниц.

Другим социально значимым новшеством в этом образовательном заведении был введенный императрицей институт пепиньерок. В собственноручно написанном Марией Федоровной Проекте учреждения пепиньерок при Смольном институте предписывалось Инспектрисе и Начальнице выбрать и оставить в Институте 12 девиц, завершивших образование, «между теми, которые характером, дарованием и бедностью имеют право на эту милость. Они составят рассадник классных дам для Смольного или других институтов, уже основанных или которые будут основаны». Предполагалось, что пепиньерки будут находиться под особым надзором Начальницы и в полной ее зависимости, получать содержание и жалованье классных дам и заменять учителей во время их болезни. Пепиньерки получали право на отдельную спальню и питание, как у классных дам. Они обучали воспитанниц начальных и средних классов чтению на трех языках, письму под диктовку и чистописанию. Впоследствии институт пепиньерок был учрежден практически во всех образовательных женских учреждениях.

Таким образом, был введен особый институт поддержки одаренных девиц, которые вряд ли могли составить себе хорошую партию из-за нищеты родителей или вести самостоятельную трудовую жизнь, что было объективно невозможно в русском обществе начала XIX столетия. Кроме того, воспитанные в самом институте, они гораздо больше пользы приносили своим питомцам, чем приглашенные из-за границы иностранные педагоги. Императрице Марии Федоровне принадлежит заслуга основания в России женского педагогического образования.

По аналогии со Смольным Мария Федоровна основала свой собственный Институт благородных девиц – Институт ордена св. Екатерины, или Екатерининский.

Видя успехи супруги в руководстве Обществом благородных девиц, 2 мая 1797 г. Павел I назначил Марию Федоровну начальницей над Воспитательными домами в Санкт-Петербурге и Москве. В них императрица также провела ряд реформ. В частности, питомцы были распределены по способностям и в соответствии с этим для них были созданы разноуровневые образовательные программы.

Так, в 1808 г. для способных воспитанников были открыты при Воспитательном доме латинские, французские и немецкие классы, а также особые классы музыки. Постепенно из них возникли семинарии для подготовки учительского персонала для школ Воспитательного дома. Признанные талантливыми мальчики готовились в них для поступления в Медицинскую академию, а девочки – в гувернантки и учительницы. Неспособные дети были определены в специально для этого созданные ремесленные классы. Для них была создана типография. Совершенно неспособных к наукам и ремеслам питомцев отправляли на поселение в деревню для занятий сельским хозяйством.

Несомненна заслуга Марии Федоровны в организации в России системы профессионального образования. Именно она первая создала в стране ряд среднеспециальных учебных заведений, где первоначально получали образование только питомцы Воспитательных домов. Так, в 1816 г. в Павловске на средства императрицы было открыто Особое училище садоводства. В него принимались юноши, владеющие латынью и немецким языком и имеющие приличные знания по географии. Курс был рассчитан, в зависимости от уровня подготовки обучающегося, на три и четыре года. Обучение велось на немецком языке под руководством садового мастера из немцев.

С той же целью императрица учредила особый фабричный городок под Петербургом, где питомцы обучались работать на промышленном предприятии – на приобретенной императорской четой Александровской мануфактуре. Она просуществовала до 1860 г. и была закрыта как нерентабельная из-за хронического переизбытка рабочих рук. Не только воспитанники, но и их дети были закрепощены за Мануфактурой и, начиная с одиннадцати лет, не имели права отлучаться от нее на другие работы.

Питомцы, хорошо владеющие русской грамотой и достигшие успехов в каллиграфии, получили возможность совершенствовать свои умения в созданной императрицей Школе канцелярских служащих. Здесь выпускников Дома готовили для работы в различных государственных и частных канцеляриях.

Благодаря деятельности Марии Федоровны в России началось интенсивное развитие акушерства. Характерной особенностью развития медицины в указанный период было то, что лечебные заведения развивались, в первую очередь, как клинические базы для подготовки медперсонала из числа питомцев подведомственных царской семье благотворительных заведений.

В 1797 г. Мария Федоровна учредила в Санкт-Петербурге за свой счет Повивальный институт для 20 замужних бедных родильниц и 22 обучающихся воспитанниц Воспитательного дома. Аналогичное заведение на средства П. А. Демидова было открыто ею в Москве первоначально для 10 питомиц Московского воспитательного дома. Впоследствии при Повивальных институтах были учреждены акушерские фельдшерские школы, в которых готовили профессиональных повивальных бабок, большей частью из числа воспитанниц Дома.

В 18 сентября 1797 г. императрица учредила на собственные средства военно-сиротское училище (позднее, с 1800 г., – Мариинский институт). Оно было создано исключительно для детей беднейших родителей. Причем в училище отсутствовало сословное деление, ревностно проводившееся в других учебных заведениях. В числе поступавших наибольший процент составляли дочери мелких чиновников, ремесленников, солдат и придворных служителей.

Императрица заботилась о судьбе выпускников своих заведений. Именно поэтому если сирота сразу по окончании обучения выходила замуж, то ей выдавалось приданое в размере 100 рублей, что делало ее привлекательной невестой.

В Мариинских институтах применялся метод дифференцированного обучения воспитанников в зависимости от их способностей. Способные девочки воспитывались в учебных классах и обучались катехизису, чтению и письму на 3-х языках (русском, французском, немецком), арифметике, рисованию, тонким женским рукоделиям, вышивке золотом, шелками, плетению кружев.

Неспособные воспитанницы определялись в хозяйственный класс, где обучались приготовлению еды, созданию и сохранению припасов, времени выгодных закупок и низких цен, засолке, сушке, а также другим хозяйственным навыкам – шитью, стирке, глаженью, выбору материи, умению вести счет всему, то есть были первоклассными экономками. Им и книги для чтения рекомендовалось давать соответствующие. Впоследствии этот принцип был применен и в других образовательных и воспитательных заведениях для низшего класса и людей с ограниченными возможностями.

К числу несомненных заслуг Марии Федоровны относится начало обучения в России детей с ограниченными возможностями. 14 октября 1806 г. в Павловске было учреждено опытное училище для глухонемых. В Россию был приглашен специалист из Парижского института глухонемых Жан Батист Жоффре. Он стал директором училища, быстро выучил русский язык и преподавал его ученикам наравне с французским.

Кроме детей, воспитывающихся безвозмездно, в училище принимали детей из благородных семей с платой 650 рублей в год, и «из других состояний» – с платой 450 рублей. Со временем штат училища увеличивался. Воспитанников обучали портняжному, столярному, токарному, литографскому и типографскому делу, девушек – разным рукоделиям. К 1828 г. количество воспитанников увеличилось до 51. Кроме того, за плату обучались еще 46 человек. Из них вышли чиновники, учителя в самом заведении, рисовальщики, живописцы, наборщики, печатники и другие специалисты.

Озаботившись глухонемыми, императрица решила заняться и проблемами обучения слепых детей. В Гатчине в 1806 г. ею было основано первое училище для слепых питомцев Воспитательного дома. Основателем и первым педагогом в школе слепых стал приглашенный Александром I французский специалист Валентин Гаюи.

Хотя специализированные заведения для обучения детей с ограниченными возможностями и удовлетворяли лишь мизерную часть нуждающихся в образовании инвалидов, это был прогрессивный шаг.

В 1803 г. Мария Федоровна создала Вдовьи дома в Москве и Санкт-Петербурге. Ввиду того, что желающих попасть в Дом было очень много, а среди призреваемых было немало крепких здоровых женщин, относительно молодых, императрица решила занять их полезным для общества делом, которое, в случае успеха, могло решить проблему их самообеспечения. В 1814 г. были приглашены для работы в больнице 24 обитательницы Санкт-Петербургского Вдовьего дома. Императрица повелела выбрать вдов, отличающихся кротостью, благонравием, хорошим поведением, изъявивших желание посвятить себя богоугодному делу – уходу за больными. После годичного испытания 12 марта 1815 г. 16 вдов были признаны пригодными к этой работе. Они были приведены к присяге. Вдовам была установлена оплата – по 5 рублей

за две недели работы. Дело имело успех. Аналогичная работа была проведена с московскими вдовами.

В 1818 г. был официально утвержден Институт сердобольных вдов (не как учебное заведение, а как особый социальный статус), а при больницах стали организовывать курсы сиделок. Прослужившие в звании сердобольных вдов 10 лет получали ежегодное вознаграждение в размере 150 рублей. Через каждые пять лет вознаграждение увеличивалось, а через 25 лет удваивалось.

По уровню медицинской квалификации сердобольные вдовы занимали среднее положение между санитарками и младшими медсестрами. Прежде чем быть допущенными к уходу за больными, они познавали основы первоначальной медицинской подготовки. Им преподавались сведения по уходу за больными, этические правила взаимоотношений с пациентами, их знакомили с методиками выполнения основных медицинских процедур и приема лекарств. Главный врач Мариинской больницы Христофор фон Опель в 1822 г. издал учебное пособие «Руководство и правила, как ходить за больными, для пользы каждого, сим делом занимающегося, а наипаче для сердобольных вдов, званию сему особенно себя посвятивших...» В нем, помимо элементарных правил ухода за больными, говорится о том, какими физическими и нравственными качествами должны обладать женщины, посвятившие себя уходу за больными.

Таким образом, в России благодаря Марии Федоровне началась и более уже никогда не прерывалась профессиональная подготовка младшего медперсонала, и женщины не только были привлечены к работе в лечебных заведениях, но сегодня практически полностью вытеснили из этой сферы мужчин. Между тем труд этот не считался прежде женским. При Петре I роль сиделок выполняли отставные солдаты.

Мария Федоровна немало сделала для совершенствования медицинского обслуживания. В 1803 г. императрица учредила Мариинские больницы для бедных в Москве и Санкт-Петербурге. Московская больница, рассчитанная на 200 койкомест, была одной из самых крупных по тем временам. При больнице состоял приют для неизлечимо больных на 12 мест. В настоящее время Московская Мариинская больница входит в состав Московского НИИ фтизиопульмонологии Минздрава России.

Санкт-Петербургская Мариинская больница представляла собой не только лечебное заведение для бедных, но и являлась практическим училищем для кандидатов Медико-хирургической академии и вольнопрактикующихся в городе медиков. Как и московская, столичная больница была устроена на 200 коек. Расходы на нее составляли 68 571 рублей в год. Они покрывались главным образом с процентов с собственного капитала больницы.

Под покровительство Марии Федоровны поступил также ряд уже действующих лечебных заведений. В их числе Голицынская больница в Москве (открыта в 1802 г. в память кн. Голицыных; стала бесплатной в 1803 г., была рассчитана на 100 коек), а также больница у Калинкина моста в Санкт-Петербурге. В небольшой Калинкинской больнице лечили венерические болезни. Больные могли пребывать здесь инкогнито – не называя своего имени и звания, и даже в масках.

1 января 1828 г. перешел под патронат Марии Федоровны Дом для умалишенных, причисленный к разряду больниц. Для него императрица купила дом кн. Щербатова за Нарвской заставой в 10 километрах от Санкт-Петербурга, чтобы больные находились в покое, вдалеке от городской сутолоки. Заведение получило название «Больница всех скорбящих». В ней призревались 200 больных обоего пола.

Обуховская больница, или Желтый дом (названа так из-за окраски здания. Поныне в России так называют дома для сумасшедших), перешла под покровительство императрицы в 1828 г.

Всего к концу жизни императрица патронировала 51 благотворительное заведение. В них призревались на стационарном обслуживании 92 тыс. человек.

При финансовой и материальной поддержке Марии Федоровны смогло состояться первое в России благотворительное печатное издание, газета «Русский инвалид» (начала выходить с 1 февраля 1813 г.), доходы от которого полностью шли на поддержание инвалидов Отечественной войны 1812 г. и помощь русскому воинству вплоть до событий 1917 г. Создателем и первым редактором газеты «Русский инвалид» был патриот России, «русский немец» Пауль Помиан Пезаровиус, или, как его называли на русский манер, Пал Палыч.¹

К концу 1814 г. основной инвалидный капитал достиг 300 тыс. рублей. К нему Пезаровиус присоединил от себя еще 20 тыс., оставшихся от издержек на издание газеты. Конечно, ему, занятому хлопотами по издательству, было сложно распределять такую крупную сумму денег. Поэтому 8 августа 1814 г. император Александр I учредил особый комитет, получивший в честь царя название *Александровский о раненых комитет*.

В состав комитета вошли генерал-адъютанты: Уваров, граф Строганов, Голенищев-Кутузов, Закревский и Сипягин. В их обязанности входило принимать просьбы от нуждающихся инвалидов, а затем по ним решения. Доклады предоставлялись царю через генерала от артиллерии графа Аракчеева. 21 декабря 1815 г. Александр I поручил Пезаровиусу возглавить дирекцию канцелярии комитета.

В декабре 1815 г. инвалидный капитал равнялся 395 тыс. рублей. 1200 инвалидов получали из него постоянные пособия. С 1816 г. газета вследствие своей чрезвычайной популярности стала выходить ежедневно. В пользу инвалидов поступало в среднем в год от 40 до 60 тыс. рублей, а общая сумма капитала равнялась уже 1 млн 32424 рублям. Сам лично редактор во время войны жертвовал в пользу издания по 750 из 2250 рублей своего жалованья в год.

К 1842 г. пожизненные пансионы из комитета получили 4 тыс. высших и 15 тыс. низших воинских чинов и 2000 их семейств. Единовременные пособия получили 2900 высших воинских чинов, 600 их вдов, 3 тыс. инвалидов низших чинов. 1500 сирот воспитывались за казенный счет в заведениях. 130 солдатским дочерям было выдано приданое по 100 рублей ассигнациями. 80 тыс. рублей было выделено для воспитания 120 дочерей высших воинских чинов в Патриотическом институте. Всего на призрение 40 тыс. военнослужащих было выделено 30 млн рублей.

Газета занималась благотворительной деятельностью вплоть до событий 1917 г. Затем она была переименована в газету Красной Армии и Военно-морского флота. А в 1992 г. вновь возродилась под прежним дореволюционным названием и сегодня успешно освещает проблемы людей с ограниченными возможностями.

Мария Федоровна во многом способствовала тому, чтобы все ее дети имели собственные благотворительные учреждения как в России, так и за рубежом. В память о матери император Николай I в 1854 г. (а не в 1897, как ошибочно считают многие исследователи) создал «Ведомство учреждений императрицы Марии», ставшее крупнейшей образцовой благотворительной организацией в России, фактически семейным делом Романовых. Николай Павлович и все последовавшие за ним императоры лично покровительствовали этому Ведомству.

¹ Пауль Помиан Пезаровиус родился в семье лифляндского священника 17 февраля 1776 г. По окончании курса в Йенском университете в звании доктора философских наук в 1803 г. определился на службу секретарем иностранной переписки в канцелярию тайного советника Новосильцева, состоявшего при особе Александра I. Затем в 1804 г. перешел в комиссию по составлению законов редакторским помощником, а в 1807 г. – в департамент министра юстиции. В 1808 г. Пезаровиус был назначен советником государственной юстиц-коллегии, за усердную и ревностную службу получил в 1812 г. орден Св. Владимира 4-й степени и чин коллежского советника. Был также награжден орденом Св. Анны II степени, украшенным алмазами. С 1813 г. – главный редактор первого в России специализированного газетного издания «Русский инвалид». Пезаровиус редактировал газету до января 1847 г. (был небольшой перерыв с 1821 по 1830 гг.). Пезаровиус был женат на Анне Федоровне Цвейтингер. Детей не имел. Умер 2 июня 1847 г., ровно через шесть месяцев после того, как был уволен Николаем I со службы по состоянию здоровья.

Крупнейшие благотворительные общества дома Романовых (в оценке их современников)

Самое значительное из благотворительных обществ начала XIX в. – открытое в 1802 г. под непосредственным патронатом императора Александра I несколькими частными лицами «Филантропическое общество» (некоторые авторы, например Н. Волков, считают его первоначальным названием «Благодетельное общество»), переименованное в 1816 г. в «Императорское человеколюбивое общество».

Основная цель Общества – «распространиться по всей Европе и благотворить всем неимущим, то есть оказывать всевозможную помощь бедным без различия пола, возраста, звания и вероисповедания: при рождении младенцев – путем акушерского, врачебного, а также материального пособия; принимать под свою сень бедных детей, призревая их, воспитывая и образовывая; призывать взрослых, не могущих добывать себе пропитание собственным трудом вследствие старости и по неизлечимой болезни, предоставлять бесплатные и удешевленные квартиры, а также пищу нуждающемуся; приискывать работу ищущим ее и содействовать сбыванию работ трудящихся; лечить бедных больных и, наконец, оказывать помощь деньгами и вещами».

В задачи общества входило искать несчастных в самом жилище их – в сей обители плача и страдания. Ласковым обращением, спасительными советами, – словом, всеми нравственными и физическими способами стараться облегчить судьбу их, вот в чем состоит истинное благодеяние.

Члены Общества обратили внимание на то обстоятельство, что «физические бедствия обременяют человека с рождения до смерти». В связи с этим в столице был учрежден «Медико-филантропический комитет под непосредственным руководством известных тогда докторов медицины Фрейтанга, Вельцена, Эллизена, Удена и Тимковского. Проект и штат были учреждены с назначением из государственного казначейства по 5 тысяч рублей ассигнациями на канцелярию, и комитет начал работать».

Общество вело свою деятельность по следующим направлениям: домовое призрение бедных больных; диспансрии в разных частях города; вспоможение подвергшимся какому-либо несчастному случаю на улицах; особенные больницы для страждущих прилипчивыми болезнями; призрение искаженных природой и случаем, воспитание глухонемых и т. д.

То есть в России началось обследование условий жизни на дому и оказание первой медицинской помощи, что впоследствии (в советское время) привело к созданию участкового медицинского патроната. Стали возникать медицинские пункты и участковые больницы, организовывались прототипы современных отделений срочной помощи центров социального обслуживания, возникли кожвендиспансеры, в которых бесплатно принудительно лечили проституток перед отправкой их на высылки из столиц, началась работа по организации помощи инвалидам детства и получившим увечья в процессе жизни. На организацию этих учреждений было назначено из кабинета императора 24 тыс. рублей. К концу года Медико-филантропический кабинет осуществлял «бесплатное домовое лечение бедных» и организовал диспансрии в разных частях города. В них приходящие больные в определенные часы получали бесплатно советы и лекарства. С этой целью были определены на каждую из существовавших 11 частей города врачи для бедных и их помощники.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.